

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 51

1986

Александр КРИВИЦКИЙ

РУКА МОСКВЫ

МОНОЛОГ ПУБЛИЦИСТА

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 51

Александр КРИВИЦКИЙ

РУКА МОСКВЫ

Монолог публициста

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1986

Александр КРИВИЦКИЙ

Александр Юрьевич Кривицкий, публицист и новеллист, начал свою литературную деятельность в годы первых пятилеток в ежедневных многотиражках — на фабрике им. Парижской Коммуны и на заводе им. Фрунзе. Десять лет — с 1937-го по 1947 год — он проработал в центральной военной газете «Красная звезда» начальником отдела литературы и искусства и специальным военным корреспондентом на различных фронтах.

Следующее десятилетие Александр Кривицкий наряду с литературной деятельностью работал в качестве заместителя главного редактора журнала «Новый мир». Потом редактировал международный раздел «Литературной газеты». В последние годы жизни был членом редколлегии журнала «Знамя». Им написаны книги «Подмосковный караул», «Тень друга, или Ночные чтения сорок первого года», «Кое-что о Пентагоне», «Портреты и памфлеты», «Елка для взрослого», «Мужские беседы» и другие, а также многочисленные статьи, очерки и памфлеты, опубликованные в центральных газетах и журналах.

Александр Кривицкий был членом КПСС с 1932 года, был награжден почетным Знаком пятидесятилетнего пребывания в Коммунистической партии, орденами и медалями, был удостоен звания лауреата Государственной премии РСФСР, а также премий им. А. Толстого и А. Фадеева за произведения на военные и международные темы. В 1942 году в Библиотеке «Огонек» вышел в свет его первый очерк о подвиге 28 героев-панфиловцев под Москвой.

Публикуемые в этой книге публицистические заметки А. Ю. Кривицкого — его последняя прижизненная работа.

Как поразительно быстро затеняет время то, что еще вчера было освещено резким светом и как будто бы измерено, изучено, высчитано со всех сторон. И мы забываем и, бывает, драматически уже не можем вызвать даже в своем воображении подробности большого события или отчетливый облик человека, некогда любимого, дорогого, и говорим себе в смятении и тоске: «Что-то с памятью моей стало...»

Нет, виной тут не память. Безостановочные валы жизни катятся на берег человечества, а их откат в глубины вечности уносит с собой и наши хрупкие воспоминания.

Люди вглядываются в свое прошлое. Ищут свои корни. Это прекрасно! Чередой безымянных поколений проходила жизнь на земле. Письменная история человечества, включая и пиктограммы, то есть изображения, содержащие целое сообщение, насчитывает, кажется, лишь пять тысяч с лишним лет и обрывается на шумерах, таинственном народе древности. Дальше тянутся молчаливые века и века. Археологические раскопки открывают утварь, оружие, украшения, древние рисунки, образцы орнамента, но письменное слово еще неведомо. Миллиарды людей уходили в небытие, унесенные ветром времени. Кто мы? Откуда? Куда идем?

Только древние властители, феодальная знать заботились о своей родословной. Происхождение, титулы ценились у них на вес золота. В специальных книгах на манер Готского альманаха вели записи рождений, браков, смертей. Бывало, что и придумывали себе родственные связи для пущей важности. Занимались, как теперь говорят, приписками, это и тогда давало доход. Неравные браки были событием исключительным — их запрещали среда, законы. Они наказывались лишением наследства, изгнанием. Аристократы расчерчивали свое генеалогическое древо, холили, выращивали, следили за всеми его ветвями и побегами.

Простой люд ничего такого не знал. В иных семьях помнили из устных рассказов свое родство до прадедушки, а дальше — туман. Я из семьи ремесленников-сапожников. Как-то мы разговорились с одним московским однофамильцем, откуда мы есть. Не родственники, откуда же «фамильная близость»?

И установили, что деды наши жили в Белоруссии. Там, как и на Украине, немалыми землями владели польские аристократы — верные слуги царской России. Среди них был и род графов Кривицких. Поскольку мы оба к нему явно не принадлежали, то скорее всего предки наши были графскими людьми, то ли дворовыми, то ли наемными мастерами. И на вопрос: «Чей ты?» — отвечали: «Графа Кривицкого». Возможно, своих имен и не знали, только прозвища, потому и остались при фамилии хозяина.

Отец мой родился в Курске. Вот все, что мне известно о своей родословной. Смутно она представляется мне длинным рядом сапожников, уходящим в глубину веков.

Еще братья рассказывали, что когда заходила речь о Сморгони, откуда дедушка перебрался в Курск, и кто-нибудь из домашних с важной миной вставлял: «В Сморгони останавливался Наполеон во время бегства из России», — дедушка тут же отзывался: «Будь я на его месте, проехал бы мимо этой Сморгони, чего он там не видел?» Может быть, эта фраза и таила разгадку дедовского переселения? Мальчиком я был твердо уверен, что он там, в Сморгони, разбойничал и удрал в Курск, спасаясь от сыщиков и полицейских. А вдруг что-нибудь романтическое? — прикидывал я позже в смутной надежде.

Так или иначе, но дед оказался в Курске без копейки денег, однако не пропал. Разузнал путь и пошел в Стрелецкую слободу, где почему-то обитало немало сапожников. Несмотря на молодость, мастером он был хорошим и нанялся к одному из стрелецких работать за харчи. С течением времени пошла о нем добрая слава, шил он превосходную обувь, «со скрипом», так тогда было в Курске модно, с резинками и шнурковой, а то и на пуговках.

Но лучше всего ему удавались сапоги. Мог сделать с мягкими козловыми голенищами и бесшумным ходом, по-кавказски, в таких сапогах-чулках только и прыгать на коня «кошачьим движением». А мог изготовить и генеральский сапог с твердыми лаковыми голенищами-«бутылками». Отставные офицеры-помещики любили щеголять в такой обуви. Она хорошо шла к дворянскому картузу с лаковым же козырьком. Все сияло — и низ и верх.

Большим специалистом был дедушка. Я его не помню. Но рассказы о нем остались в памяти. Еще и то, что мама поддразнивала отца всякий раз, когда он в праздничный день уходил к друзьям «пить чайку»:

— Только в карты не играй, как твой батюшка.

Отец досадливо отмахивался. С тех пор, как непонятный сморгонец проигрался в поезде, поставив на кон будущее, в его жизни, кажется, не случилось выдающихся событий. Его сын и смотреть не мог на карточную колоду. В доме моих родителей, как и теперь в моем, никогда не было карт. Но для матери «игра в карты» была псевдонимом всего недозволенного, и, если отец отправлялся в «неизвестное», она неизменно напоминала ему об аварии деда.

Но вскоре все это перестало меня занимать. Все отлетело в сторону. Все эти сыщики и разбойники, все рассказы о дедушке, короли и дамы, валеты и тузы из фатальной колоды карт — все унеслось, как осенние листья, гонимые бурей. В знаменах, песнях и манифестациях пришел

семнадцатый год, а затем разразилась гражданская война, и мои братья, «комиссары в пыльных шлемах», целиком завладели моим воображением. С тех пор в ребячье сердце и сознание вошла Революция.

От старых детских воспоминаний остался лишь одинокий возок Наполеона в Сморгони. Здесь император покинул свою армию и с тремя спутниками понесся в Вильно, а оттуда в Париж.

Моя биография густо замешена на жизни и судьбе братьев. И если спросят, откуда я есть, отвечу: из родного Курска, что стоит более тысячи лет на двух холмах в центре России, из революции — Великой Октябрьской, из войны — Великой Отечественной, из обороны Москвы в 1941 году и из дня Победы в 1945 году.

Бронзовый Ленин стремительным движением руки указывает путь вперед. Знакомая всем скульптура. Говорят, Ильич не принимал таких величественных поз. Не было в нем внешнего величия, тяги к эффектным положениям. Но я не сетую на художника. Народ давно возвеличил в сердце своем основателя нашего государства. И рука Ленина, протянутая вперед, — это рука Москвы, зовущая человечество к социальному обновлению.

В небольшом американском городке Утербери, что в штате Коннектикут, продавец магазина готовой одежды, еще юноша, был приговорен к шести месяцам тюрьмы за одну-единственную полувопросительную фразу: «А что, этот Ленин там, в Москве, наверно, мозговитый человек?»

Неужели так могло произойти? Полгода под замком за одну лишь фразу? Да, но в ней два крамольных слова: Ленин и Москва.

Не знаю, хорошо ли теперь помнят сами американцы тот буйный разгул реакции стародавних времен. Он захлестнул Соединенные Штаты вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции в России. В пору, когда наша страна голодала, холодала, проливалась кровь на фронтах гражданской войны, конгрессмены осипшими от ярости голосами вопили о «руке Москвы», о кознях «московских агентов».

Искали предлога, чтобы расправиться с рабочим движением в собственной стране, подавить все честное и прогрессивное, наконец, заткнуть рты тем, кто, желая оглядеться в послевоенном мире, интересовался: а что там происходит, в далекой России, говорят, там прогнали хозяев, сами управляют фабриками и заводами.

Генеральный прокурор США Митчелл Пальмер с благословения тогдашнего президента Вильсона ввел беззаконие в юридическую систему. Во всех штатах шла облава на «красных». Массовые аресты ни в чем не повинных людей стали будничным делом. Никогда до тех пор американцы не знали такого всеобъемлющего подавления

гражданских свобод. Тогда-то и угодил за решетку юноша продавец — он случайно прочел в газете сообщение из Москвы и невинно его прокомментировал. Шесть месяцев — в следующий раз будешь помалкивать!

Я узнал об этом и ему подобных фактах из книги Освальда Вилларда «Годы сражений». Ее автор редактировал известную прогрессивную газету США «Нэйшн» с 1918 по 1953 год. Бывает так, как сказал классик, что из ста фактов не выкроишь ни одного ощущения, но юный приказчик магазина готового платья запомнился.

Подумайте только: идет 1918 год, молодая Советская республика еще только становится на ноги, а уже возникает миф о «советской угрозе». Так встретил мир собственников само появление Советской республики, ее красный цвет на политической карте мира. Все, что негодует и протестует против строя социального неравенства, можно было теперь объявить «рукой Москвы».

Забастовки в Детройте? Это рука Москвы! Волнения сельскохозяйственных батраков? Рука Москвы! Попытки организовать профсоюз? Рука Москвы! И хотя жажда социального прогресса есть вековое стремление трудящихся, и хотя день 1 Мая как праздник международной солидарности рабочих родился в Соединенных Штатах задолго до образования Советской республики, все равно любые попытки людей труда улучшить свое положение, любые события национально-освободительной борьбы на любом континенте объявлялись «происками Москвы».

Прошло много, много лет со времени пальмеровского бешенства в США. Пальма первенства в клевете на Советский Союз, на Москву в разные годы переходила от одного буржуазного государства к другому в зависимости от сложных особенностей их внутреннего и международного положения. В наши дни эту самую пальму прочно держат Соединенные Штаты. В чем тут дело? А в том, что заокеанская держава ведет агрессивную внешнюю политику. И эта политика пришла в кричащее противоречие со стремлением народов к демократии, с процессом общемирового развития. Поэтому имперские вожделия скрывают, камуфлируют, набрасывают на них маскировочную сеть, как это делалось во время войны с боевой техникой в районах сосредоточения или на исходных рубежах.

Как примирить даже в собственной стране постоянный риск имперских авантур с морализаторской риторикой о правах человека, с напыщенной декларацией о «демократическом мессианстве» Соединенных Штатов?

В таких случаях необходимо наличие угрозы, объединяющей общество хотя бы страхом, угрозы, достаточно сильной, чтобы агрессивная политика государства выглядела как бы защитной,

а вовсе не продиктованной планами мирового господства, наоборот — ответной, вынужденной.

Подобной угрозы Соединенным Штатам не существует в природе. Она была вымышлена, подстроена и сконструирована. «Рука Москвы», «советская угроза», «происки Москвы», «средоточие зла» и тому подобное — это все псевдонимы мифа, похожего на старую, высохшую, безобразную даму. Ее подкрашивают, подрумянивают, омолаживают, как богатых покойниц в романе английского писателя Ивлина Во «Незабвенная».

Но дама эта все равно с того света. К ее неживому телу подключена электроника, мегафоны, микрофоны, динамики, от ее имени кричат разные «голоса», болтают, нашептывают ложь, клевету, злобные провокационные наветы, но безобразная дама мертва. Честные люди во всем мире хорошо знают: рука Москвы — рука дружбы и мира.

В те дни, когда возникал миф о «руке Москвы», к горлу советской страны уже тянулась рука Антанты, не придуманная, не мифическая, а вполне реальная. Она тянулась из зарубежья, через границы на западе, на севере, на юге, на востоке. Я был мальчишкой, но хорошо помню плакаты того времени, наклеенные на круглой тумбе возле курского театра имени Щепкина, помню костлявую, поднимающуюся откуда-то из черноты руку, на которой было написано одно слово: «Интервенция!».

Тогда же возник вопрос и о царских долгах. Их уплаты требовали западные страны-кредиторы, в первую очередь Франция и Англия.

Сейчас, знакомясь с документами внешней политики СССР, читаю телеграмму Чичерину в Москву от одного из наших дипломатических представителей в Европе:

«Фош¹ ведет в Америке кампанию за интервенцию именно теперь против Советской России. У Гардинга² с Фошем была длинная беседа, в течение которой он и его адъютант Доуль развивали мысль о том, что как политически, так и экономически оздоровление Европы невозможно, пока существует Советская Россия».

Эти беседы происходили уже после того, как в результате Перекопско-Чонгарской операции части Красной Армии ворвались в Крым. Был сломлен последний оплот белых и интервентов, разбит Врангель. Казалось, гражданская война в Советской России закончена. Но нет, ликвидация последних очагов контрреволюции и интервенции продолжалась еще и в 1921-м и в 1922 годах.

¹ Фердинанд Фош — маршал Франции, с 1918 года верховный главнокомандующий войсками союзников, с 1919-го — председатель высшего военного совета Антанты, один из организаторов интервенции в Советскую Россию.

² Уоррен Гардинг — тогдашний президент США (1921—1923).

Как раз к 1921 году и относится документ, полученный Чичериным. Белый дом не надо было упрашивать — американская солдатня уже побывала на нашем Дальнем Востоке, натворила там немало черных дел, но вынуждена была убраться восвояси. Теперь следовало действовать «осторожнее».

Итак, интервенты изгнаны и белогвардейцы разбиты наголову. Лидерам буржуазного мира пришлось искать другие пути борьбы с Советской страной, впрочем, ни на один день не оставляя мысли о вооруженном нападении на родину социализма. В разное время, как уже сказано, различные государства Запада брали на себя лидерство в антисоветской борьбе. Но всегда и неизменно заокеанская держава стояла за спиной тех, кто выскакивал вперед.

Даже в годы второй мировой войны сильная, влиятельная группа американских реакционеров, проклиная трезвого и дальновидного Рузвельта, твердила: «Соединенные Штаты воюют не на той стороне».

10 сентября 1920 года Чичерин разослал телеграмму всем советским полномочным представителям за границей, обращая их внимание на смысл высказываний государственного секретаря по иностранным делам США Бейнбриджа Колби в одной из его нот.

Мы не будем здесь вникать в подробности этого американского документа. Коснемся лишь той его стороны, где Чичерин находит истоки враждебности западных идеологов новому строю. Он устанавливал, что еще в 1905 году, когда впервые обнаружилась слабость царской России и ее действительная зависимость от западноевропейских финансовых групп, теоретики колониализма писали:

«Россия, в сущности, колониальная страна, которую следует управлять методами торгового дома — при помощи приказчиков и коммерческих агентов торгово-промышленных фирм». «Эта столь циничная мысль, — продолжает Чичерин, — легла в действительности в основу всех тех планов, которые вырабатывались правительствами Антанты в период их вмешательства против советского строя России и которыми объясняется также и вражда к советскому строю со стороны тех, кого представляет г-н Колби».

Далее Чичерин разъясняет молодым работникам дипломатической службы, как им следует реагировать в странах пребывания на точку зрения господина Колби. Читатель, надеюсь, простит мне обильное цитирование, но невозможно не привести и другие выдержки из этой телеграммы наркома иностранных дел, настолько они злободневны и прочно опираются на ленинский завет мирного сосуществования стран с различным государственным строем.

«Не в первый раз, — пишет Чичерин, — мы присутствуем при попытках со стороны американских финансовых групп дискредитировать Советское Правительство путем клеветнических обвинений. Нам памятно опубликование в Америке подложных документов, являющихся настолько грубой фальсификацией, что было достаточно малейшего внимательного анализа для обнаружения этой грубой лжи».

И действительно, достаточно вспомнить хладнокровно сочиненную гнусность о «национализации женщин», пущенную в оборот за рубежом почти с первых же дней Октябрьской революции, чтобы понять, какого рода клевету имел в виду Чичерин. Такие грандиозные провокации, как использование южнокорейского пассажирского самолета в качестве шпиона, засланного в воздушное пространство СССР, были еще впереди.

И все эти серии лжи, клеветы и провокаций имели целью представить Советское государство сознанию западного человека как скопище варваров, бессердечных и бессовестных, а «руку Москвы» как железную длань, способную сокрушить все живое вокруг и сеющую смуту во всем мире. Между тем Чичерин пишет все, что мы процитировали и что приведем дальше, не в ноте буржуазному министру, не в пропагандистской статье «на экспорт», а чинам советского дипломатического корпуса за границей, пишет как «на духу». Смотрите сами:

«Советское Правительство достаточно ясно сознает, что революционное движение трудящихся масс в каждой стране является их собственным делом и составляет их собственную задачу, чтобы неуклонно держаться того взгляда, что коммунистической строй не может быть навязываем силой другому народу и что борьба за него должна происходить усилиями самих трудящихся масс каждой страны».

И дальше:

«Так как в Америке и во многих других странах трудящиеся массы не завоевали власть и даже не прониклись убеждением в необходимости завоевать ее, Российское Советское Правительство считает необходимым установить и неуклонно соблюдать мирные и дружественные отношения с существующими правительствами этих стран».

Истинную правду писал Чичерин. Не упомянул он лишь о том, что революция в Германии, выступление трудящихся Венгрии, провозгласивших советскую республику, были событиями, которые Москва предвидела, но ее руки там не было. Она и помочь-то ничем тогда не могла своим идейным братьям. Революционные выступления были жестоко подавлены и на десятилетия развязан в этих странах буржуазный белый террор.

«Рука Москвы» — дьявольское порождение буржуазной пропаганды. Конечно, наиболее просвещенные столпы мира собственников понимают, что классовая борьба есть величайшая реальность XX века и никакая «рука Москвы» здесь ни при чем.

Смена общественных формаций предрешена закономерностями исторического развития, бытием миллионов тружеников. Капитализм, порывшись в своей биографии, найдет тому веские подтверждения в эпоху, когда он, еще молодой и цветущий, свергал феодальный строй. Уйдет в небытие и капитализм. Еще совсем недавно такие авторитетные его представители, как Дэвид Рокфеллер, Генри Киссинджер и другие, без обиняков и с горечью признавали эту перспективу.

Борьба с феодализмом и его свержение растянулись не на один век. Не вчера началась и высшая, но и последняя стадия капитализма. А кто знает, сколько времени займет окончательное крушение буржуазной системы? Что и говорить, человеку хотелось бы связать начала и концы современных ему проблем в срок собственной жизни. Увы, такое удается не часто, особенно когда речь идет о гигантских историко-социальных переменах.

Не «рука Москвы» тревожит дальновидных пророков капитализма, а пример Москвы. Эту реальность предусматривал Ленин, когда говорил о возможностях международного влияния социалистической деятельности советских людей.

Меч Красной Армии отсек руку интервенции, но еще долго, вплоть до второй мировой войны, не прекращались попытки зажечь военный пожар на советской земле или у ее границ. Банды Савинкова, антоновщина, кулацкие восстания, военные события на КВЖД (помню песенку на слова Демьяна Бедного: «Нас побить, побить хотели, нас побить пытались, но мы тоже не сидели, того дожидались!»), налеты басмаческих отрядов, потом бои у озера Хасан, при Халхин-Голе.

Но тогда еще, с дней революции, с дней гражданской войны и позднее, мы увидели и другую руку империализма. Она на первый взгляд была безоружна и даже затаята в лайковую перчатку. То была рука, подписывающая казуистику дипломатических нот, меморандумов и ультиматумов. Они были разными по форме, но однородными по содержанию.

Платите царские долги, военные и довоенные, говорили нам, платите иностранным владельцам фабрик и заводов в России, полностью возместите убытки, понесенные ими от революции, платите частным держателям облигаций царских займов, всем этим рантье и стригалям купонов. Платите за каждый свой шаг к свободе, оплатите оружие, которым вас расстреливали на Лене и у Зимнего дворца, оплатите боевое снаряжение Корнилова, Юденича, Деникина, Колчака, их пулеметы и орудия, амуницию.

С России хотели содрать три шкуры, задушить ее голодом, экономической блокадой, разнести в клочья ее финансовую систему. Так и говорили: вы утверждаете, что финансовая помощь России с Запада оздоровит экономику всего мира, а уж Европы и подавно, — мы согласны с вами. Но сначала заплатите долги. Ах, ваша страна разорена, вам нечем платить, даже если бы вы и согласились сделать это хотя бы частично? Ну что ж, тем хуже для вас. А мы подождем, над нами не каплет. Мы подождем, пока вас не доконает разруха, пока не околеете от голода.

Когда обсуждалась возможность помощи голодающим детям молодой республики, то американская сторона предложила невыносимые условия. Фактически она хотела вдвинуть в нашу страну

структурно оформленную, разветвленную организацию шпионажа и диверсий, действующую на основе экстерриториальности.

А когда мы отвергли этот план как грубейшее нарушение советского суверенитета, то представители правительства США скорчили недовольную мину и заявили, будто эта организация необходима для контроля — чтобы пайки, предназначенные детям, не передавались красноармейцам.

Ленин писал тогда народному комиссару иностранных дел РСФСР:

«Ввиду того что подлые американские торгаши хотят создать видимость того, будто мы способны кого-то надуть, предлагаю формально предложить им тотчас по телеграфу от имени правительства за подписью Каменева и Чичерина (а если надо, и моей и Калининна) следующее:

мы депонируем золотом в нью-йоркском банке сумму, составляющую 120% того, что они в течение месяца дают на миллион голодных детей и больных. Но условие наше тогда такое, что ввиду столь полной материальной гарантии ни малейшей тени вмешательства не только политического, но и административного американцы не допускают и ни на что не претендуют...

Этим предложением мы утрем нос торгашам и впоследствии осыпим их перед всем миром»¹.

Мне кажется, я не читаю эти гневные строки Ленина, а слышу их. Он рассказывает по кабинету и, чуть картавя на слове «торгаши», подчеркивает презрительный характер фразы, а кто-то записывает все, что говорит Ленин. Может быть, так и было. И русские просторечия, слышные в этих строчках Ленина, тоже указывают на изустный характер их происхождения. Так вот и сказал Ильич в сердцах и в гневе.

А спустя ровно два месяца после этой телеграммы Ленина представитель СССР в Великобритании Красин бросал в лицо притихшим участникам Лондонской конференции, обсуждавшей вопросы восстановления и всеобщего мира:

— Сейчас, когда мы заседаем в этом зале, в приволжских и юго-восточных губерниях России голодают миллионы детей, женщин и мужчин, подверженные опасности прямой голодной смерти...

Красин высмеял требования гарантии целостности и правильного употребления средств помощи. Комиссия доктора Нансена, уже распределяющая частные продовольственные посылки среди голодающих, свидетельствует о том, что они идут по прямому назначению.

Нет сомнения, подозрения, выдвинутые в связи с программой помощи, носили безжалостно пропагандистский характер. Хотели представить европейскому обывателю советских руководителей как людей, способных отнять у детей кусок хлеба. А сами хладнокровно

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 53, стр. 115—116.

мусолили эти куски в своих руках, выжидая истощения Советской России. Давным-давно Советский Союз не просит ни у кого продовольственной помощи, а сам помогает странам, где случилось стихийное бедствие, как та наша засуха в Поволжье, наводнение или землетрясение. В том же 1984 году невиданная засуха обрушилась на Эфиопию, и из Советского Союза пошел в эту далекую страну поток грузов, самолеты и вертолеты для транспортировки их внутри страны.

«Рука Москвы» помогает развивающимся странам. Строит им заводы, фабрики. Ищет в их недрах нефть и находит ее там, где иностранные специалисты намеренно лгали: «Здесь ничего нет». И все это без политических условий, без финансовой кабалы, а из гуманного желания выровнять фронт человечества, содействовать экономическому подъему народов — жертв колониализма.

Сейчас, когда я перелистываю архивные документы — один за другим, один за другим, — вижу почти вочию события тех лет, как будто был я в ту пору не ребенком еще, а взрослым человеком и жил страстями того неповторимого времени, титанической борьбой всех, кто сражался на аванпостах советской дипломатии.

На Генуэзской конференции молодой республике противостояло 28 капиталистических государств. Как уже сказано, империалистические державы хотели добиться мирным путем того, чего не добились военным. Вот и потребовались такие мастера политических интриг, как благообразный, велеречивый Ллойд-Джордж. Они вымогали у Советской страны такие экономические и политические уступки, какие перевели бы стрелку ее движения вспять, на капиталистический путь. Снова и снова нас пытались заставить признать все долги царского правительства, вернуть иностранным владельцам их национализированные предприятия или сполна возместить их стоимость, фактически ликвидировать монополию внешней торговли. Рука блокады вновь тянулась к горлу Советской республики.

Но советская делегация действовала по указанию Ленина. Она отвергла эти требования и, в свою очередь, выставила контрпретензии — платите и вы, господа хорошие, за все, что у нас натворили. Давайте сравним убытки, подсчитаем, с кого сколько придется. А раньше всего признайте нас де-юре, аннулируйте военные долги в целом, мы ведь репараций с Германии не получаем.

Аргументы серьезные. Их историческая основа бесспорна. Международное право не прошло мимо того факта, что революции и их насильственный разрыв с прошлым несут с собой новые правовые условия и во внутренних и во внешних отношениях. Французский конвент, чьим законным наследником заявила себя республиканская Франция, провозгласил 22 сентября 1792 года: «Суверенитет народов не связан договорами тиранов».

Правительства, рожденные революциями и освободительными

войнами, почти всегда следовали этой практике, претворенной в правовую доктрину. Молодые Соединенные Штаты после войны за независимость отвергли договора своих «предшественников» — Англии и Испании — в полном соответствии с историческими прецедентами.

В 1921 году Чичерин в ноте британскому правительству писал:

«Ни один народ не обязан платить за цепи, которые он носил в течение предшествующих веков; другими словами, народ, освободившийся от деспотизма, не обязан оплачивать долгов предшествовавшего деспотического правительства, использовавшего займы против собственного народа».

Мы видим, что у молодого советского МИДа нашлась действительно серьезная, научная контраргументация. Одержать верх над большевиками на дипломатическом фронте оказалось так же невозможно, как и на военном. Главы буржуазных делегаций в Генуе разделили между собой роли. Англичанин представлял как бы более покладистую сторону, но обуславливал «смягчение» все той же уплатой царских долгов.

Ленин внимательно следил за ходом конференции и своевременно откликался на донесения из Генуи. 19 апреля он посылает директиву Чичерину:

«...Мы поддаемся обману. Ллойд Джордж, который шумит против Франции, прикрывает этим свое главное стремление — принудить нас платить долги вообще и бывшим собственникам особенно. Пора начать систематическое разоблачение этого обычного маневра английских дипломатов...»¹.

Не будем здесь вникать в подробности хода Генуэзской конференции. Западные страны маневрировали, блефовали, шантажировали, но добиться своего не смогли. В своей последней речи Ллойд Джордж, саркастически улыбаясь, сказал:

— Первый предрассудок, существующий у нас в Западной Европе, заключается в том, что, когда вы продаете кому-либо товар, вы рассчитываете на то, что вам за него заплатят. Второй заключается в том, что, когда вы даете займы человеку, а он обещает уплатить вам, вы ждете, что он вам уплатит. Третий заключается в следующем: вы приходите к человеку, уже ссудившему вам деньги, и говорите: «Дадите ли вы мне еще займы?» Он спрашивает вас: «Намерены ли вы уплатить мне то, что я вам дал?» А вы отвечаете: «Нет, у меня принцип не отдавать долгов». В умах Запада существует в высшей степени странный предрассудок, не позволяющий продолжать предоставлять займы на таких условиях...

Ллойд Джордж наверняка был доволен собой. Без риска ошибиться можно сказать, что ему в особенности понравилось именно это место

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 45, стр. 162.

его речи. Ну, как же, он ведь нашел бытовой эквивалент, или, еще точнее, житейскую метафору большой политико-экономической проблемы. Такие пассажи цитируются газетами, из них можно надергать эффектные заголовки для статей и заметок. Они разойдутся по всему свету и подкрепят славу Ллойд-Джорджа как неотразимого оратора. И потом, чем черт не шутит, может быть, убедят русских. В конце концов у них ведь нет выхода...

После Ллойд-Джорджа на трибуну поднялся Чичерин. Он хорошо помнил телеграмму Ленина, посланную 19 апреля. Читатель уже знает ее текст, а вот вторая, отправленная через день, 21 апреля 1922 года:

«Я никогда не сомневался, что Ллойд-Джордж действует под давлением английских акул и что Англия не останется без Франции, но думаю, что это ни капли не должно изменить нашей политики и что мы не должны бояться срыва конференции. На признание частных долгов идти ни в коем случае нельзя. Думаю, что настоящую ситуацию я знаю»¹.

Ленинская оценка позиции английской дипломатии в Генеу подтвердилась всем ходом конференции. Советская делегация стойко отражала все хитроумные маневры западных держав. Они не хотели вести дело к успешному концу. Еще надеялись зажать Советы костлявой рукой голода.

Бледный от московских недоеданий, усталый, Чичерин блестяще парировал нападки Ллойд-Джорджа, защищая принцип «равноправия сторон с двумя различными системами собственности». И, между прочим, сказал, что премьер-министр Великобритании «не сумеет обратить в его веру русский народ, точно так же, как это не удалось сделать вторгавшимся белым армиям».

И дальше последовал удар в «солнечное сплетение» речи Ллойд-Джорджа:

— Г-н премьер-министр Великобритании говорит мне, что если мой сосед ссудил мне деньги, я обязан ему уплатить. Хорошо, я соглашаюсь в данном особом случае из желания примирения, но я должен прибавить, что если этот сосед ворвался в мой дом, убил моих сыновей, уничтожил мою мебель и сжег мой дом, он должен по крайней мере начать с возвращения мне уничтоженного... Русский народ одушевлен глубоким желанием мира и сотрудничества с другими нациями, но, разумеется, на основе полного равенства.

Советская держава говорила веско, с достоинством, непреклонно. Речь Чичерина была выслушана в глубоком молчании. Кто-то в зале криво усмехался, кто-то напускал на себя беспечный вид, но все понимали: русских не удалось ни провести, ни запугать.

Генуэзская конференция не решила проблем, ради которых была создана. Но в ее ходе советская дипломатия прорвала фронт западных держав и заключила 16 апреля 1922 года в Рапалло договор с Герма-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 45, стр. 163.

нией. Место это расположено неподалеку от Генуи, но политический климат здесь сложился совсем по-другому, условия договора были взаимоприемлемыми.

Предложение советской делегации о всеобщем разоружении ошеломило участников Генуэзской конференции. Но, придя в себя, представители великих держав отнеслись к нему скептически и даже насмешливо. И вот всего лишь через полтора десятка с небольшим лет они получили вторую мировую войну, а в 1943 году гитлеровский вермахт оккупировал Геную — то есть тот самый город, где они так высокомерно отвергли инициативу Советского Союза мирового значения. Она и до наших дней остается в силе.

Много лет требование возврата долгов царской России отравляло международные отношения. В Советском Союзе было создано Общество содействия жертвам интервенции. Оно всколыхнуло всю страну. Люди начали считать свои потери от вражеского нашествия. Считало государство, и считали миллионы людей. Обливаясь слезами, оглядывались назад, всматривались в недавнее прошлое, в фотографии тех, кого заповолили шомполами, убили интервенты и белые. Раны были свежие, они еще не зарубцевались — можно ли их забыть? Грозный счет рос из месяца в месяц, из недели в неделю, изо дня в день.

Работа эта шла не на голом месте. Уже в 1920 году действовала Особая комиссия по учету влияния войны и блокады на народное хозяйство. Многочисленные статистические подсчеты велись в Высшем совете народного хозяйства и в наркоматах.

Для учета ущерба выехали специальные уполномоченные в Сибирь, в северные губернии — Мурманскую и Архангельскую, на Кавказ, в Туркестан, на Дальний Восток. Местные организации присылали в центр материалы по специально разработанной программе. Всей этой работе Общество содействия жертвам интервенции придало всенародный размах.

Читаю страницы, испещренные цифрами, перелистываю списки претензий Советского государства к странам, ответственным за интервенцию и блокаду. Весь ущерб разделен на четыре категории. В первую включено золото, увезенное, похищенное, присвоенное, задержанное и невозвращенное. Российское золото, отправленное в Англию по соглашению с царским правительством в 1915 и 1916 годах. Золото, отосланное Временным правительством в Швецию. Золото, помещенное правительством Колчака на счета финансовых агентов его кредитной канцелярии... Золото из фонда Государственного банка — оно находилось на хранении в Казани и попало в руки колчаковцев.

Читаю: «Депонировано в обеспечение контракта с фирмой Ремингтон (112 945 винтовок) золота на сумму 2 547 558 американских долларов и позже на 5 000 902 американских доллара».

Из винтовок с надписью «Сделано в США» стреляли колчаковцы в красноармейцев. Из винтовок марки «Ремингтон» (фирма процветает за океаном и в наши дни) стреляли белые по сибирским крестьянам. Такие карательные экспедиции выразительно описаны во многих произведениях советской литературы, в частности в романе Сергея Залыгина «Комиссия». На страницах буржуазных газет уже бушевал шквал инсинуаций о «руке Москвы», а тем временем руки иностранных банкиров пересчитывали захваченное или полученное ими за оружие против русских русское же золото.

Угет, Самен, Крживицкий, Миллер — кто такие? Первый раз встречаю эти фамилии. Никогда и ничего не слышал о них. Уверен, их не знает и читатель. Какие они, эти люди — худые или толстые, старые или молодые, — опять-таки ничего не знаю. Между тем обладатели этих фамилий — важнейшие лица колчаковской мистерии. Это финансовые агенты омского адмирала.

На счетах финансовых агентов Колчака числилось к 8 июля 1920 года более чем 60 миллионов в золотых рублях и иностранной валюте. Там были золотые слитки, американские доллары, английские фунты стерлингов, французские франки, мексиканские доллары, шанхайские таэли и прочее.

Они находились у Самена в Лондоне, у Угета в Нью-Йорке, у Крживицкого в Шанхае. В Индокитайском банке. В шанхайском отделении Русско-азиатского банка. В банке Ландманс, в иокогамских филиалах Спешнл-банка и Чосен-банка. И еще во многих финансовых конторах мира. И, наконец, у генерала Подтягина — военного атташе Омского правительства в Японии. Перед полным крахом этого «правительства» в Омске все эти суммы были переведены на личные счета финансовых агентов. Вот так! Весьма значительная часть золотого фонда России, захваченного Колчаком в Казани, была возвращена Красной Армией. Это было в период, когда адмирал перед своей очевидной гибелью решил отправить золото из Омска во Владивосток. Оттуда бы оно уплыло безвозвратно...

Какое масштаб национальных ценностей, захваченных Колчаком и в значительной мере растраченных им на оплату оружия, заказанного за границей? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к балансу омского отделения Государственного банка в момент эвакуации Колчака. Вот таблица:

Золото, принадлежащее банку	651 532 194 руб. 86 коп.
Переходящие ценности	111 330 374 руб. 53 коп.
Процентные бумаги	4 310 702 руб. 25 коп.
Переходящие ценности Централь- ного управления	8 131 891 руб. 82 коп.
Итого:	775 305 163 руб. 46 коп.

Колоссальная сумма!

Точное количество золота, переведенного из Омска за границу на счета финансовых агентов Колчака для уплаты частным фирмам, не было установлено. Однако стало известно, что под конец своего существования Омское правительство незаконно, но бурно продавало краденое золото за рубеж, оплачивало им займы на покупку нового оружия. Они еще надеялись вернуться и воевать!..

В той же 1-й категории числился ущерб, причиненный железнодорожному транспорту, морскому торговому флоту, ущерб, нанесенный вывозом промышленных и продовольственных грузов из русских портов. Перечислить все пункты этого страшного реестра намеренного, методичного разграбления, расхищения и присвоения народного, государственного имущества невозможно. Катастрофически пострадало сельское хозяйство. Двенадцать миллионов сельских хозяйств России того времени так или иначе были затронуты интервенцией. Вот расчет, касающийся одной только Западной Сибири:

1. Полностью уничтожено 24 724 крестьянских хозяйства (живой и мертвый инвентарь, личное имущество и т. д.) при средней стоимости одного хозяйства в 10 тыс. рублей, ущерб в млн. руб. — 247,24.

2. Частично разрушено 36 724 хозяйства при средней (преуменьшенной) стоимости ущерба в 1000 рублей, ущерб в млн. руб. — 36,724.

3. Осталось без работников крестьянских хозяйств 29 300, что образует дефицит в крестьянском хозяйстве в течение 10 лет — ущерб в млн. руб. — 146,5.

4. Осталось на социальном обеспечении государства 27 200 сирот, что при средней выдаче в год 240 рублей составит в течение пяти лет в млн. руб. — 32,64.

5. Захвачено чехословаками и белыми в Западной Сибири 40 поездов мануфактуры, 500 000 пудов сливочного масла, 13 миллионов пудов хлеба и зернового фуража, 1,3 миллиона пудов мяса, охотничьего пороха — 110 вагонов, железа листового и др. — 200 вагонов, обуви кожаной — 35 вагонов, галантереи — 23 вагона. Оценка этих товаров крайне затруднительна из-за отсутствия точных данных о количестве и стоимости некоторых предметов...

Всего в этом расчете шестнадцать пунктов — один страшнее другого. Читаешь, и голова кругом идет. Несчетно вывозили интервенты из России металл, уголь, торф — все, что можно было погрузить и отправить за границу. Они мстительно разрушали заводы, фабрики, рудники, пускали воду в шахты и портили имущество почтово-телеграфных, транспортных, медицинских учреждений. В этом на первый взгляд бессмысленном разрушении был свой умысел — поставим вас на колени, согнем в бараний рог, ослабим до такой степени, чтобы революционная Россия сгнила заживо и не смогла бы помышлять о выходе на международную арену.

А контрсчет западным державам был предъявлен огромный. Потери, ущерб, убытки, понесенные Советской Россией от интервентов и белых армий, были первоначально исчислены в сумме 39 миллиардов рублей, а затем заново пересчитаны, уточнены, пополнены претензиями частных лиц и достигли 50 миллиардов рублей золотом. А сумма царских долгов равнялась 17—18 миллиардам долларов. Сальдо оказалось не в пользу Англии, Франции и других государств-кредиторов. Вот тут и начали стихать вопли о царских долгах.

Так в красноречивом споре Чичерина с Ллойд-Джорджем на Генуэзской конференции в зале виллы «Альбертис» победила советская точка зрения, ленинская.

Сажу над документами, подсчетами, цифирью, и вдруг откуда-то из глубины памяти всплывает лицо старшего брата, Миши, Михаила Юрьевича. Кажется, он имел какое-то отношение к этому обществу. Я взял у вдовы брата папку с его документами — так и есть. Он был членом правления и ответственным секретарем Общества содействия жертвам интервенции. А по другим данным, он в то же время числился студентом медицинского факультета Московского университета. Могло ли это быть?..

Не отвлекся ли я в сторону от темы? Думаю, нет, несколько. Невозможно писателю-публицисту зрелых, как говорится, лет писать о нашей советской истории, минуя опыт собственной жизни. История наша еще не достигла и семидесятилетия. Она пока уместается в срок человеческой жизни. Еще живы участники и свидетели всех ее этапов.

Все в мире взаимосвязано. Советская история — волнующая эпопея, где действующими лицами выступают миллионы людей. Оказывается, мы ее плохо знаем. Одно забыли, о другом судили неточно, а третьего не знали вовсе.

В истории каждой советской семьи так или иначе отражена история тех лет, когда ставилось Советское государство, защищало свои первые шаги на земле от беляков и чужеземцев, несло неслыханные потери, строилось горячими пятилетками, вело вооруженную борьбу с гитлеровской Германией, одержало великую Победу, сорокалетие которой мы празднуем. Несколько поколений, скажем, шведов никогда не видели, не знали, не испытали всего того огромного, необычайного, адски трудного, горького и прекрасного, что происходило с нашей страной и ее людьми с Октября 1917 года до нынешних дней. И в моей семье отразилась эта история.

Про брата Романа, гимназиста, потом одного из первоконников, комиссара бригады Первой Конной Армии, а затем и ее Полевого штаба, я однажды написал страничку. Напишу несколько строк и о брате Михаиле, питомце реального училища. Жизнь бросила его в окопы первой мировой войны, и всю ее он прошел солдатом 119-го коломенского полка 30-й пехотной дивизии на Северо-Западном и Румынском фронтах. Как и Роман, он стал коммунистом в апреле

1918 года. Партийная мобилизация позвала его в Красную Армию. Ее еще нужно было формировать, укреплять.

В папке документов нахожу мандат: «Дан сей от Комитета партии красноармейской организации тов. Кривицкому М., что он действительно командировается комитетом партии в Дмитровский запасной батальон для организации коммунистической ячейки в запасном батальоне». Далее — подпись, печать и дата: «5 февраля 1919 г.»

Документ — лицо времени. Вот на бланке начальника дивизии (еще старорежимном) с указанием «ТВД» (театр военных действий), с соблюдением всех правил старой орфографии, написано: «Командиру и комиссару 3-й бригады. При сем препровождаются в Ваше распоряжение агитаторы для агитации среди населения Юзовского района и организации боевых рот из рабочих: Владимиров, Шибакин, Кривицкий, Ильин, Уткин и Солянин. Прошу оказать всевозможное содействие в организации боевых рот, и если ими роты будут организованы, то за оружием обращайтесь в штаб дивизии. Начальник дивизии генерального штаба такой-то». Вот это «генерального штаба», за которым по старому времени следовало звание — полковник или генерал, — и наводит на ту мысль, что начальник дивизии, возможно военспец из бывших царских офицеров. Рядом — подпись военного комиссара. Дата: «5 апреля 1919 г.»

Вот партбилет Михаила Юрьевича Кривицкого — два листика грубоватой бумаги (единого партбилета тогда еще не было) — за № 15, выданный политотделом XIII армии, где он служил в 1919 году. Армией командовал Уборевич. «Политработа — трудная работа», — писал поэт-фронтовик. В 1920 году брат Михаил был начподивом 9-й, а затем 15-й Инзенской дивизии, впоследствии получившей наименование Сивашской. После окончания гражданской войны работал в ЦК РКП, заведовал информотделом. Но вот захотелось ему исполнить свою давнишнюю мечту — стать медиком, врачом. Он и женился на медичке. Отпустили его на учебу, но сказали: «Все равно далеко от нас не уйдешь». А когда формировалось Общество содействия жертвам интервенции, то студента-медика и назначили ответственным секретарем и членом Правления.

Перебирая ветхие документы и дойдя до бумаги, какая удостоверила этот его пост, я мгновенно вспомнил то, что долго ускользало из памяти. Вспомнил, как взял он меня, подростка, однажды утром с собой (наверно, я мешал дома) и пошел в Верхние торговые ряды (такое название носило тогда здание нынешнего ГУМа). В этих рядах помещались десятки учреждений. На одной из дверей пятого этажа висела табличка: «Отдел русских солдат во Франции», на другой — «Русские солдаты на Балканах». Таблички эти я вспомнил отчетливо и, кажется, спросил его тогда:

— Они здесь?

— Кто?

— Ну, эти солдаты?

Он поглядел на меня с явным презрением и пробурчал свое:

— А говоришь, что уже взрослый, газеты читаешь.

Эти отделы занимались бедственным положением солдат русского экспедиционного корпуса во Франции и формирований на Балканах. Одним из таких горемык на чужбине был унтер-офицер Родион Малиновский. Ему удалось возвратиться на Родину, и впоследствии он стал Маршалом Советского Союза.

И еще двери и еще таблички с названиями. Здесь копился счет, предъявленный западным державам, чьи загребушие руки расхитили с помощью своих и белых армий национальное достояние России.

Так вот и вышло, что солдат царской армии, красноармеец, ставший начальником политотдела дивизии, работник ЦК РКП, потом студент-медик и по совместительству секретарь Общества содействия жертвам интервенции вышел в доктора, в деканы 2-го Медицинского института. А всю Отечественную войну брат Миша, несмотря на многие свои болезни, был начальником военно-санитарного поезда. В 1953 году он не выдержал очередной атаки ревмокардита. В Москве живут его дочь Леночка и сын Саша Кривицкий, инженер-конструктор КБ на заводе «Манометр», единственный продолжатель нашего рода по мужской линии. Но детей у него нет. Так что и род наш может оборваться. Что поделаешь!

А если возвратиться к их отцу, то в его биографии одного человека-коммуниста не видна ли судьба русской революционной интеллигенции, что беззаветно и безоговорочно пошла служить народному делу под сенью Красного знамени мира и социализма в твердой руке Москвы.

Что делали «твердолобые» Европы и «бешеные» Америки, пока ораторствовали ллойд-джорджи и другие? Они раньше всего предъявляли спрос на фальшивки. Как иначе доказать недоказуемое? Как установить наличие «руки Москвы»? Нужно было «обнаружить» ее, пусть и грубо, вульгарно, но так громобойно, чтобы в ее существование поверили миллионы людей. Такой фальшивкой стало известное «письмо Коминтерна». Я пишу «известное», но опять-таки вовсе не уверен в том, что оно знакомо современным читателям. Может быть, и слышали о нем, но история письма, подробности, кажется, забыты. Напомню их, хотя бы кратко.

Дело было в 1924 году. Лейбористское правительство Англии заключило с Москвой договор, по которому оно в обмен на заем получало согласие частично возместить стоимость имущества, утраченного английскими владельцами в России за годы революции. Этот

договор был подписан Макдональдом под сильным давлением левых лейбористов. Оставалось его ратифицировать.

Консерваторы были в бешенстве. Приближалась новая избирательная кампания. Договор с Москвой пользовался популярностью, а это сулило успех лейбористам. И как гром среди ясного неба — консервативная газета «Дейли мейл» загрохотала огромными заголовками: «Приказы Москвы нашим красным. Вчера разоблачен большой заговор: парализуйте армию и военно-морские силы. А мистер Макдональд хочет одолжить России наши деньги».

Смотрю на этот четырехъярусный заголовок, набранный чуть ли не афишным шрифтом. Смотрю на поблекший номер английской газеты того времени. Угрожающе чернеет туманное клише какого-то бланка — не разобрать какого учреждения — с обрывками текста, отстуканного на машинке с русским шрифтом.

Вниманию читателя предлагалась «директива» английским коммунистам «поднять массы британского пролетариата на социалистическую революцию», а также совет-указание проникать в вооруженные силы и создавать там ячейки. Имелась еще и ссылка на то, что «военный отдел британских коммунистов страдает от недостатка военных специалистов, будущих руководителей британской красной армии». Таким было суперсекретное «письмо Коминтерна».

Сенсация стала просто подарком консерваторам. Всю избирательную кампанию они вели под лозунгом защиты Англии от московских злодеев и их лейбористских агентов. Честным людям в Англии было и смешно, и грустно. Публикация нестерпимо пахла фальшивкой. Все, кто как-то мог представить себе реальное положение вещей, понимали, откуда и зачем она появилась. От нее несло притоном, духом грязного политиканства. Советское правительство предложило вынести «письмо Коминтерна» на третейский суд, требовало экспертизы, но в Лондоне опасались именно такой проверки.

Между тем Советское правительство установило происхождение фальшивки и назвало имена авторов. Липу состряпала в Берлине компания белоэмигрантов — Бельгардт, Гуманский и Жемчужников вкуче с предателем-невозвращенцем Дружиловским в качестве консультанта. Он-то и подвел артель — консультировал то, чего не знал и не понимал.

Но если есть «ложь для узкого круга», то существует и «правда для узкого круга». Эту правду знали в «просвещенном» Лондоне. Да, разумеется, «письмо Коминтерна» — подделка. Дурно пахнет. Значит, группка белоэмигрантов сумела обвести вокруг пальца деятелей консервативной партии. Честные люди пали жертвой негодяев. Примерно так рассуждали в лондонских политических салонах. Однако дело было сделано. Лейбористы потерпели поражение на выборах. Консерваторы торжествовали победу и сформировали кабинет. Москва была «схвачена за руку».

Спустя много лет в газете «Санди таймс» появилось обстоятельное интервью с Ириной Бельгардт, вдовой одного из авторов «письма Коминтерна». Она подробно рассказала, как готовилась фальшивка. Ей ли этого не знать, если все происходило в ее квартире, у нее на глазах. Она назвала еще одно имя — Эдуард Фриде. Он подделывал подписи. А Жемчужников — один из членов этой «артели» — ее брат.

Она рассказала, как пришел к ним домой их знакомый, Гуманский, и объявил о «заказе», как Дружиловский принес украденный где-то бланк. Муж ее, Алексей Бельгардт, после всей этой истории служил десять лет в американском консульстве в Берлине, во время второй мировой войны работал в нацистском абвере — военной разведке. После войны переехал в Лондон, там и умер. Жена решила рассказать правду о «письме Коминтерна».

И тут выяснилось самое главное — фальшивка не была инициативой спешейся артели, ее заказали и заплатили за нее фунтами стерлингов британские консерваторы. Но почему заказ был послан в Берлин? А это затем, чтобы запутать следы, затруднить расследование, если оно начнется.

Попутно с публикацией письма Ирины Бельгардт обнаружилось, что британское министерство иностранных дел располагало лишь вторым экземпляром фальшивки, первый, очевидно, остался в недрах секретной службы. Таким образом, в этой истории даже «задействованная» фальшивка — и та не «подлинник», а лишь его копия. «Санди таймс» назвала и имена предполагаемых заказчиков: сам председатель консервативной партии Джексон, лорд Юнгер и начальник северного отдела британского МИДа Грегори.

Короче говоря, никакой «руки Москвы» не было, а были неуверенные, но жадные руки изготовителей фальшивок и были холеные, спрыснутые дорогими одеколонами руки заказчиков, тех, кто заплатил деньги за грязную работу. Кстати, заплатил по дешевке. На каждого из пяти человек в Берлине, да еще и на английских посредников пришлось немного. Но ведь и фальшивка была исполнена «тяп-ляп». Позвольте, но дело-то она сделала?! Сделала, это верно. Так что заказчики явно поскупились.

Английские «твердолобые» и американские «бешеные» были всегда грубы, безапелляционны, неразборчивы в средствах антисоветской борьбы, шли напролом, элоквенцию не очень ценили. Ораторство вали другие...

Где бы ни жил советский человек, в какой бы стороне нашей земли ни делал свое дело, Москва в его жизни занимает особое место. Она столица государства, основанного Лениным. Она центр нового мира. Ее старина и современность в своем магическом переплетении волнуют сердца людей. Ее фабрики и заводы — цитадели русского рабочего

класса. Ее Красная площадь величава, как легенда, сурова, как воспоминания воина, открыта, как улыбка матери. Стайки детей, играющих среди резвых воробьев на ее отполированной брусчатке, никого не оставят равнодушным. Я помню Красную площадь в разные времена, но навсегда она врезалась в память видениями войны.

Арьергарды знойного лета уже скрылись в осеннем тумане. Утренние заморозки, словно артиллерийские налеты, обжигали землю. Холода вели разведку боем. Смена времен года того, сорок первого, совпала своим движением с характером событий на фронте. Наступала зима нашей тревоги и нашей большой победы. Тогда «рука Москвы» отстала сама Москву.

Вот такая хронология запомнилась мне на всю жизнь.

Тринадцатого октября 1941 года на собрании партийного актива Москвы Александр Сергеевич Щербаков сказал: «Не будем закрывать глаза — над Москвой нависла угроза».

Девятнадцатого октября Государственный Комитет Обороны объявил Москву на осадном положении.

Шестнадцатого ноября, на сто сорок седьмой день Отечественной войны, противник возобновил генеральное наступление на Москву. «Тайфун» — такое название носила эта операция. Гитлер бросил на советскую столицу 51 дивизию — 13 танковых, 7 мотострелковых и 31 пехотную. Когда весной 1940 года против Франции на всем фронте — от моря до Седана — действовали 10 — 11 бронетанковых дивизий, весь мир содрогнулся от ужаса перед этой концентрацией техники. На одну Москву было двинуто больше танковых соединений, чем против всей Франции.

...Бьют барабаны, пронзительно выдувают механический мотив флейты. Гремит иноземный, чужой марш, и в его ухающем такте на вас наваливается тяжелый топот сапог, выкрики «зиг хайль», грохотание страшного парада. Где он проходит? Киноаппарат показывает нам Красную площадь, от Исторического музея и дальше, дальше к голубым елям, к белым трибунам — знакомый с детства путь. Гремит прусский марш, но площадь пустынна. Парад проходит по ней только звуком. И это парад гитлеровских войск.

Я сижу в зрительном зале, до боли сцепив руки и подавшись вперед. Смотрю наши старые фильмы. Вот уже сорок лет со дня нашей Победы, и сердце, которое еще не подводило ни разу, вдруг больно защемило. Подумать только — немецкое интендантство заготовило тогда пригласительные пропуска на торжество по случаю падения советской столицы. Указано было даже время церемонии, не хватало только даты.

Беснуется военный оркестр, возникает чужая речь в хаосе выкриков и безжалостных ударов по потрясенной мостовой. Закрыва-

ешь на миг глаза и видишь этот сатанинский шабаш — вот они идут, надменные воины рейха, все как один «сверхчеловеки»...

Внезапно обрывается какофония. Тишина, спокойный перезвон Кремлевских курантов и голос диктора: «Товарищи, они были всего в двадцати семи километрах отсюда. Были». Опасность, которой подвергалась наша страна, представлена в этих кадрах так выразительно, что поистине всем существом переживаешь заново то, что однажды уже было суждено пережить.

Помню рассказ младшего лейтенанта Талалихина, таранившего фашистский самолет на подступах к Москве. Такие, как он, и были олицетворением «руки Москвы». Она протянулась вверх и загородила противнику воздушную дорогу на Москву. Талалихина пригласили в редакцию «Красной звезды» — газеты, где я тогда работал. Помню, как летчика-героя обступили журналисты, как он смущался, этот хрупкий юноша с застенчивой улыбкой, как его расспрашивали наперебой, а он только краснел, улыбался и, затягиваясь тоненькой папироской, повторял: «Ну, так ведь не было же выхода, иначе он бы выскочил на Москву».

А в старой хронике вижу просто уникальные кадры. Так случилось, что мать героя была снята кинооператором еще до ночного тарана. Просто снимал он жанровые сцены в метро во время воздушного налета. Сидят три пожилые женщины. Та, что посередине, говорит: «Поздно прилетел...» Женщина, сидящая справа: «Он всегда ведь э... в разное время летает». Мать Талалихина: «А вчерась и совсем не был». Женщина, сидящая слева: «А может, у него бензина не хватает, черт его знает...» Мать Талалихина: «Да, вот мы здесь сидим, а сынок мой там летает».

И дальше идет какой-то совершенно волшебный рассказ матери, записанный и снятый уже после тарана: «Прихожу я в убежиство и, значит, села и слушаю радио. Радио говорит: «Товарищ Талалихин сбил самолет, протаранил». Я испугалась, так просто вся разволновалась и говорю: «Ведь это мой сын, Витя... Неужели он убит?» Я так испугалась и заплакала. Начали меня тут, конечно, успокаивать, приносят лаверьянки. Все ухаживают за мной, успокаивают женщины. Ну, потом, через несколько время, покамест это со мной так это ухаживали, смотрю он пришел. (Это уже, видимо, было у Талалихиных дома. — А. К.) Пришел и говорит: «Вот и я сам явился налицо». Сынок мой милый».

А в конце рассказа: мать героя сидит прямо перед аппаратом, а рядом с ней, покуривая свою мальчишечью папироску, полусидит вроде бы на ручке кресла Виктор. Он отворачивается от матери, чтобы не мешать ей дымом, и снова посматривает на нее снисходительно и любовно. И на таком движении, когда взгляды их встречаются, мать,

с непередаваемым чувством счастья, повторяет: «Сынок мой милый».

Тяжко сознавать, что этот лейтенант-юноша в форме летчика, с прекрасным открытым лицом и доверчивыми глазами, так нежно улыбающийся матери, вскоре погибнет. Тогда, в сорок первом году, мы с печалью узнали: «Не вернулся на аэродром». Известие о его смерти потонуло в огромном понятии «потери». Война жестока, мы это хорошо знаем.

Но советские воины защитили Москву. Матери благословляли своих сыновей: «Раз война, идите и бейте ненавистного врага; в Москву не пускайте...» И всегда оставалась надежда: «вот вернется», «может быть, в госпитале лежит», «может, в партизанах». И подобно тому, как ребята по нескольку раз ходили посмотреть «Чапаева»: «а вдруг выплывет он, живым останется», — так и все мы хотели верить в счастливые исходы. И ведь бывают они на войне. Воскресают люди, возвращаются, живут. Но проходят годы и годы, нет, не выплыл Чапаев, не вернулся на свой аэродром Талалихин...

Перед моими глазами стоит сцена в Подмосковье — похороны одного из довавторцев — бойца того рода войск, который, сходя с полей сражений и став теперь гравюрным, под конец своего существования выявил такие возможности, каких не знала конница других времен. Вот где стародавняя удаль, перешедшая в молниеносный маневр, так отлично, в самые критические дни помогла дивизиям, оборонявшим Москву. Хоронят бойца. Ведут под уздцы его верного коня. Звучит салют выстрелами из винтовок. Тусклое небо накрывает погибшего саваном. Чуть в сторонке девушка в военной ушанке и шинели нараспашку плачет, утирая слезы платком. Все было на фронте. И ненависть и любовь.

Движение неприятеля к советской столице никак не напоминало темпов его «военных прогулок» по Европе. На нашей земле гитлеровцы точно узнали, сколько метров в километре, сколько саженой в русской версте. Медленно, тяжело дыша, волоча за собой кровавый след, подбирались они к святой святых Советского Союза.

Военные юбилеи не сулят нам беспечного настроения — «что было, то прошло». Нет, не прошло. Все в нас! Невынутыми осколками в теле, шрамами на сердце. А эта годовщина придвигает к нам вплотную не только День Победы, но всю войну, в том числе и самые тяжелые дни из всех, какие выпали на долю Советского государства. Через наши сердца проходил тогда страшный подсчет все сжимавшегося расстояния, что отделяло гитлеровцев от Москвы. Триста километров... двести сорок... сто двадцать... семьдесят... сорок... двадцать семь...

В кинокадрах того времени генерал-лейтенант Рокоссовский, окруженный своим штабом, раздельно и веско говорит о героизме красноармейцев, понимавших, что «за ними находится Москва». Эти его слова и вся эта группа военных, стоящих на пригорке на ледяном

ветру, рвущем из рук генерал-майора Малинина карту, живо напоминает старинную живопись, запечатлевшую доблестных полководцев 1812 года...

Напрасно гитлеровские листовки на русском языке призывали: «Москвичи и граждане русских городов! Германские войска вооружены лучшим в мире оружием! Германская армия имеет наилучшее командование! Германские войска все равно войдут в Москву...»

Не их оружие, а наше в конечном счете оказалось лучшим. Не их генералитет, а наше командование оказалось превосходящим. А советский солдат не знает себе равных.

Тяжело дыша, обливаясь кровью, в непролазных снегах, среди обугленных деревень, пронизанных черной от пепла поземкой, под сумасшедшее карканье вороньих стай, круживших над трупами, коченевшими в ледяных сугробах, подошли гитлеровцы к Москве, но были остановлены, разбиты и с огромными потерями отброшены от нашей столицы.

Посредственное военное руководство подчас способно выиграть бой, но кампанию — никогда. Советское Главнокомандование действовало талантливо. Не забудем, с каким яростным и сильным врагом имели мы дело. Еще Клаузевиц писал о неизбежных «трениях на войне», то есть о той обстановке, какую, кроме вас, создают неприятельская воля и сила. В драматических, тяжелых условиях оборонительного периода Подомской битвы наши войска и их военачальники сумели сохранить целостность стратегического фронта, нанести врагу невосполнимые потери, выиграть время для накопления резервов — без них нечего было думать о контраступлении.

Да, битва под Москвой — событие, не имевшее себе до того времени равных во второй мировой войне. Весь Советский Союз защищал свою столицу. Ничто не могло преодолеть, осилить мощную руку Москвы. Военные действия вовлекли в свою орбиту с обеих сторон сто пятьдесят дивизий, двадцать тысяч орудий и минометов, три тысячи танков и до двух тысяч самолетов. Бои развернулись, перемещаясь в пространстве, на территории 750 километров по фронту и более 400 километров в глубину. Характер их для наших войск делится на два этапа — оборонительный (30 сентября — 4 декабря 1941 года) и наступательный (5—6 декабря 1941 — 20 апреля 1942 года), когда, сверкнув из туч обороны, карающий меч возмездия обрушился на голову противника.

Но прежде чем наступил этот второй этап, нужно было выдержать первый. На весь мир прогремели слова политура Василия Клочкова — вожака 28 гвардейцев-панфиловцев: «Велика Россия, да отступать некуда — позади Москва». В те дни рука Москвы ломала вражеские танки, не пуская их к столице. Эта группа панфиловцев

задержала на четыре часа бронированные чудовища врага. Кто-то скажет: «Только и всего!» Но из таких вот часов свирепого топтания противника и сложилось его поражение под Москвой. Не проник он к ней с воздуха, не прошел и по земле. Рука Москвы преградила ему дорогу «откуда б он ни лез, на всех путях — наперерез».

Вскоре история подвига двадцати восемью облетела всю планету, а потом вошла в школьные хрестоматии. Название маленького железнодорожного разъезда России встало в ряд имен-символов, сверкающих на страницах мировой военной истории: Фермопилы... Бородино... Дубосеково...

Автору этих строк выпала тогда честь полным голосом сказать об этом подвиге. 28 ноября, через двенадцать дней после боя, «Красная звезда» опубликовала передовую «Завещание 28 павших героев». В ее основе лежали скупые строки политдонесения. Писалась она кровью сердца. Ее патетика еще не опиралась на подробности, но уже законно расширяла значение этого боя до символа всей Московской обороны.

Печать и радиопередачи того времени были полны сообщениями о героизме советских людей. Подчас они тонули в огромном потоке информации с фронта. Сколько журналистских беглых заметок оставалось без продолжения. Еще и в наши дни следопыты, мемуаристы и историки возвращаются к этой сокровищнице народного подвига, устанавливая детали и характер того или иного события. Тогда, в 1941 году, важно было не дать затеряться в этой веренице фактов завещанию двадцати восьми героев.

Вот что было сказано о нем в той передовой статье:

«Мы не знаем предсмертных мыслей героев, но своей отвагой, своим бесстрашием они оставили завещание нам, живущим. «Мы принесли свои жизни на алтарь отечества,— говорит нам их голос, и громким, неутрачивающим эхом отдается он в сердцах советских людей.— Не проливайте слез у наших бездыханных тел. Стиснув зубы, будьте стойки! Мы знали, во имя чего идем на смерть, мы выполнили свой воинский долг, мы преградили путь врагу. Идите на бой с фашистами и помните: победа или смерть! Другого выбора у вас нет, как не было его и у нас. Мы погибли, но мы победили!»

Прошел месяц с лишним, прежде чем удалось собрать подробности беспримерной схватки при Дубосекове, восстановить детали, имена героев. Как только советские войска вернули обратно тот рубеж, на котором сражались 28 панфиловцев, появилась возможность ознакомиться с обстановкой боя на местности, поговорить с окрестными жителями. Подробная беседа с капитаном Павлом Гундиловичем, встречи с очевидцами боя — солдатами из подразделений, действовавших на флангах, рассказ путевого обходчика, предсмертные слова Ивана Натарова — одного из панфиловцев, обнаруженного в госпитале,— все это сложилось в единую картину и стало очерком «О 28 пав-

ших героях», который напечатала «Красная звезда» 22 января 1942 года.

Издательство «Правда» выпустило передовую «Завещание двадцати восьми героев» и очерк отдельной брошюрой. Я посмотрел на цифру тиража и ахнул: миллион экземпляров. В таком же количестве напечатал этот материал и Воениздат, а потом и «Молодая гвардия» и Политиздат. Военная печать — фронтовые и армейские газеты также опубликовали очерк.

Командующий Западным фронтом генерал армии Г. Жуков поддержал представление дивизии и армии о присвоении 28 панфиловцам звания Героя Советского Союза. Об этом был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР.

Память о подвиге 28 панфиловцев увековечили художники, скульпторы, драматурги.

Поэты слагали стихи.

Положи на сердце эту песню,
Эту строчку каждую возьми.
Жизнь гвардейца! Повторись! Воскресни
Песнею о двадцати восьми.

В наступательных действиях Советской Армии родились сотни и тысячи новых героев. Их отвага и воинское умение привели в восхождение все цивилизованное человечество. Герои Днепра, совершившие прыжок через бурлящую водную преграду, советские воины, орлами взлетевшие над хребтами Карпат, освободители Праги, Варшавы, покорители Берлина — все они прославили в веках боевое оружие нашего государства.

И во всех этих подвигах, совершенных в дни нашего победного наступления, кипит та же духовная сила, что в первый год войны, в дни обороны, подняла на щит всенародной славы двадцать восемь панфиловцев. В их героизме обозначена твердая рука Москвы, символизирующая волю и стойкость советского народа.

Я счастлив, что судьба дала мне возможность прикоснуться к подвигу панфиловцев, восстановить картину боя, найти имена героев, рассказать о них. Счастье воссоздания этого вдохновенного подвига будет жить во мне, знаю это, до последнего моего часа.

После войны побывал я однажды как член делегации Моссовета на юбилейных торжествах прославленной Панфиловской дивизии. До начала парада ветераны проходят мимо Знамени родного соединения и, склоняясь перед ним, целуют полотнище. Идет цепочка людей, и среди них Илья Васильевич Капров — командир полка, где выросли 28 героев Дубосекова, а за ним комиссар — Ахмеджан Мухамедьяров.

Как описать вам Капрова? Сухонький полковник в форменной рубашке с погонами, с зоркими глазами, спокойный и весь какой-то

подобранный, несмотря на палочку, с которой он не расстается, хотя и не хромает заметно, а вроде опирается на нее для легкости шага. Он подходит к знамени, опускается на колено, но тут силы оставляют его, палочка катится в сторону, мокрое свое от слез лицо он прячет в шелк знамени, а сзади твердо и нежно поддерживает его комиссар.

Что же тут было? Да все! И величие нашей победы, и боль пережитого, и счастье старого человека-воина, связавшего в тугой узел начала и концы своего дела на земле, и буря неумолимого времени, пробушевавшего над его теперь уже седой головой.

Полковника Капрора уже нет на свете. В нескольких строках, посвященных его памяти, я писал в «Красной звезде»: «...Илья Васильевич — солдат Советской Армии со дня ее возникновения. Оборона Москвы нашла в нем одного из тех стойких и умелых командиров полков, которые с честью оправдали доверие партии перед лицом вражеского нашествия. Еще совсем недавно Капоров приезжал в Москву и участвовал в торжественном заседании во Дворце съездов, посвященном юбилею битвы под Москвой, и видел, как весь зал стоя приветствовал его питомцев — двоих из уцелевших героев знаменитой схватки при Дубосекове».

Как в жизни все сплетено, как неожиданно сталкиваются в ней события, в каких сочетаниях — естественных и странных — движется наше существование. И сколько всего выпало на долю моих сверстников!

На огромном пространстве жизни нетрудно разминуться. Даже близким, родным людям. Но единство судеб в их общественном выражении постоянно скрещивает пути. Я дружил с Капоровым осенью и зимой сорок первого. Через много лет мы увиделись на празднике дивизии. Потом — уже в Москве и Подмосковье — мы семьями поехали поклониться окопу, в котором держали рубеж 28 героев. Мы часто переписывались. Умер Капоров, но его солдаты сорок первого года до сих пор шлют мне письма, вспоминают своего командира.

Виделся с Иваном Шадриным. Он теперь единственный из тех, кто не погиб в том бою под Дубосековым и кто здравствует и поныне. Приезжал он в Москву, ходил по улицам, задирая голову на ее высоты, радовался ее убранству. Потом у меня дома все вспоминал и вспоминал...

А сколько таких берущих за душу встреч происходит в стране теперь, когда она, захваченная собственной — пленительной и грозной — историей, испытывает удивление и восторг перед делом своих рук.

О годовщины!.. Они дают возможность оглянуться назад и поговорить с самим собой откровенно и возвышенно. Они возвращают нас

в молодость. А юношеству помогают лучше понять нашу жизнь с ее трудом и боями, воодушевлением и горечью, с ничем не сломленной верой.

Что такое абберрация? Широко известна абберрация оптических систем. Это погрешности изображения, их исправляют подбором линз. Не будем вдаваться в подробности, хотя они любопытны. Нас интересует абберрация политического зрения. И вот что крайне важно. В политике это понятие связывается уже не с погрешностями, как в технике, а с сознательным уклонением от истины, с ее искажением.

Способность или стремление не видеть факты в их истинном свете или пренебрегать ими, закрывать на них глаза или делать вид, что их не существует вовсе,— это и называется абберрацией политического зрения. Ну, например, вы видите «руку Москвы» там, где ее нет и, наоборот, не видите ее там, где она есть. Применительно к истории это явление, конечно, можно считать абберрацией политической, но не лучше ли попросту определить его как фальсификацию!

Рука Москвы спасла Европу, а может быть, и весь мир от гитлеровской тирании. Конечно, высадка союзников в Нормандии помогла делу. Но она сильно запоздала и стала явью, а не бесконечными обещаниями лишь в ту пору, когда обозначилась возможность Советского Союза справиться с гитлеровской Германией один на один.

В истории второй мировой войны весьма подробно описана катастрофа американских и английских войск в Арденнах. Но по мере удаления от этого события во времени она с помощью беззастенчивых историков постепенно превращалась в чуть ли не победу. А самое главное — замалчивается помощь Советского Союза.

Такой трансформации позавидовал бы сам Кио — иллюзионист, который превращал на глазах публики худенькую женщину в могучего льва. В этом иллюзионе всего два участника. Но в Арденнском сражении их были десятки тысяч. Возможна ли при таком количестве непосредственных свидетелей трансформация одного понятия в диаметрально противоположное? Конечно, невозможна!

Попытки произвести такую переоценку начались не только на подступах к сорокалетию Победы, а еще в те самые дни, когда происходило само сражение в Арденнах. Я приведу здесь несколько фактов, которые еще не фигурировали в широкой прессе, но, разумеется, известны специалистам-историкам.

Гитлеровский фельдмаршал Рундштедт начал свое наступление в Арденнах 16 декабря 1944 года. А уже 28 декабря газета «Вашингтон пост» требовала объяснения причин того, что произошло на фронте, называя происшедшее там «неудачей», но не зная никаких тщательно скрываемых англо-американским военным командованием подробностей. Газета писала: «Американский народ нуждается в авторитетном разъяснении относительно наступления фон Рунд-

штедта, как оно произошло и каковы силы и возможности противника. Однако военное министерство не дало таких разъяснений. В результате наблюдается полная разногласица, каждый высказывает свое личное мнение о том, что происходит в Арденнах, и в конечном итоге это еще больше увеличивает сумятицу».

Не буду длинно рассказывать здесь об этой операции. Читатель может получить о ней представление хотя бы по Военной энциклопедии, но в двух строках изложу ее суть. Операция эта была задумана Гитлером как дерзкая попытка нанести серьезное поражение англо-американским войскам в центре Европы и склонить тем самым правительства Англии и США к отказу от военно-политического сотрудничества с СССР.

Как бы обстояло дело в случае успешного завершения вермахтом Арденнской операции — трудно сказать. Удалось бы фюреру разорвать антигитлеровскую коалицию? На этот вопрос нет ответа. Хорошо известно другое. Сепаратные переговоры союзников с уполномоченными «третьего рейха» шли и в Швейцарии, и в Швеции, и даже в самой Англии. В последние годы стало известно, что в них принимали участие десятки людей: чиновники и коммерсанты, генералы и титулованные особы — от принца Гогенлоу до Аллена Даллеса.

В Арденнах гитлеровцы играли ва-банк. Чего только там не было: танковые рейды и воздушные десанты, действия крупных групп эсэсовцев, переодетых в форму союзников и знающих английский язык. Джипы с диверсантами сновали повсюду, специальные группы мотоциклистов в прифронтовой полосе и ближнем тылу запутывали американцев, меняя названия населенных пунктов. Хаос и паника воцарились на коммуникациях союзников.

Наступление немецкой группировки началось 16 декабря на рассвете. Гитлер бросил в бой 250 тысяч солдат, 900 танков, 800 самолетов. Им удалось прорвать фронт и продвинуться в глубину почти на 100 километров. Союзные войска отступали, неся большие потери.

В конце декабря наступление вермахта под кодовым названием «Вахта на Рейне» было приостановлено. Но немецкое командование не отказалось от своих планов. В новогоднюю ночь оно начало наступление в Эльзасе, в районе Страсбурга, а более 1000 самолетов со свастикой нанесли удары по аэродромам Франции, Бельгии и Голландии, уничтожив 260 самолетов союзников. Положение войск союзников оставалось тяжелым.

Вот в таких обстоятельствах 6 января 1945 года Черчилль обратился к И. Сталину с просьбой: так, мол, и так, дело у нас плохо — помогите. Просьба эта также широко известна. Известен и ответ: поможем, какой разговор! Москва, верная союзническому долгу, протянула руку помощи Англии и Америке. 12 января, на восемь дней раньше запланированного срока, советские войска начали свое крупное Висла-Одерское наступление. Оно заставило гитлеровское

командование прямо-таки немедленно прекратить активные действия на Западном фронте.

В течение первой половины января на Восточный фронт были переброшены тринадцать полнокровных немецко-фашистских дивизий, 800 танков и другая техника. Вот так вкратце обстояло дело. В то время вся мировая печать рассматривала наступление советских войск как неопенимую помощь союзникам, сразу изменившую все положение на западноевропейском театре военных действий.

Теперь я хочу на сопоставлении двух оценок Арденнского сражения и связанных с ним явлений показать злокозненную эволюцию западной пропаганды. Хочу это сделать с помощью авторитетных на Западе источников — американского и английского. Речь идет не о газетах или репортажах журналистов, а о выступлениях американского высокопоставленного генерала и английского военного теоретика с мировой известностью.

...В огромный приземистый «кадиллак» шофер поставил за задним сиденьем четыре угольные грелки. Американский генерал Омар Брэдли, командующий группой армий на Западном фронте, отправился в Париж. Там, в Версале, ему предстояла встреча с верховным главнокомандующим войсками союзников в Западной Европе Эйзенхауэром.

Поездка в Верховный штаб союзнических армий из города Люксембурга, где находилась штаб-квартира Брэдли, отнимала немногим более четырех часов. И Брэдли предвкушал удовольствие, с каким он пожмет руку Айку и поздравит с новым званием. Вчера Эйзенхауэру присвоили в Вашингтоне пятую звезду. Теперь он генерал армии — выше некуда.

Но едва Брэдли появился в Версале, как настроение генералов, и поздравителя и поздравляемого, испортилось. Генерал-майор Кеннет Стронг, английский начальник разведки в штабе Эйзенхауэра, положил им на стол шифровку: в пять утра противник предпринял наступление на пяти участках фронта 1-й армии. Удар наносился в глубине Арденн на самом уязвимом месте всего фронта союзников.

— Ну, Брэд, — сказал Беделл Смит, начальник штаба Эйзенхауэра, — вы хотели контр наступления? Кажется, вы получили его.

Брэдли криво усмехнулся:

— Да, я хотел, но будь я проклят, если я хотел его в таких масштабах.

Первой армией командовал генерал Ходжес. Впоследствии я познакомился с ним во время визита его к генералу Жадову в рамках советско-американских встреч на Эльбе. Высокий, сухощавый, похожий на американского шерифа из ковбойских фильмов, он был ценим Брэдли как опытный боевой генерал.

Хочу привести несколько цитат из книги Омара Брэдли «Записки

солдата». Они убедительно характеризуют атмосферу в англо-американских штабах после начала наступления в Арденнах.

«Я не думал,— пишет Брэдли,— что немцы смогут сосредоточить силы с такой поразительной быстротой, и недооценивал наступательные возможности противника. Но впрямик попал не только я и командующие армиями, но также Монтгомери и Эйзенхауэр».

Еще: «Только после войны, когда при допросе военнопленных выяснились подлинные цели Арденнского контрнаступления, мы узнали, как сильно я ошибался и в какой степени я недооценил намерения противника, приняв контрнаступление большого масштаба за отвлекающий удар... Ходжес не меньше нас был введен в заблуждение».

Весьма красочно рассказывает Брэдли в своей книге о том, что творилось у американцев в тылу. Я уже упоминал о разветвленной системе всяческого рода диверсий, примененных немецким командованием. Теперь читателю будет любопытно прочитать свидетельство очевидца, да еще такого ранга, как Брэдли. Он пишет: «Вечером 18 декабря я собрался проехать в Спа через Бастонь на машине, однако мне позвонил адъютант Ходжеса и предложил лететь самолетом. Немецкие диверсанты, говорящие по-английски и одетые в трофейную американскую форму, просочились через наши линии и дерзко пытались вызвать панику в наших тылах. За две недели до того в наши руки попали приказы противника о формировании специальных «разведывательных» подразделений».

Они комплектовались добровольцами, которых отбирал парашютист-пират подполковник Отто Скорцени. Это он год тому назад выкрал Муссолини из итальянского отеля в горах, где его содержали под стражей после отстранения от власти...

«Я сам,— продолжает Брэдли,— трижды должен был удостоверить свою личность по требованию бдительных солдат. Первый раз я вызвал подозрение тем, что назвал Спрингфилд столицей штата Иллинойс (проверяющий считал его столицей Чикаго), второй раз — тем, что я неправильно указал место защитника между центральным нападающим и полусредним на футбольном поле, третий раз — я не мог назвать фамилии очередного супруга блондинки по имени Бетти Грейбл (американская кинозвезда.— А. К.). Из-за Грейбл я чуть было не был задержан».

Брэдли вспоминает об этой губительной неразберихе юмористически. Но можно легко представить себе, что там происходило у американцев в дни Арденнского наступления. Полмиллиона американских солдат вдоволь наигрались друг с другом в кошки-мышки на всех дорогах.

Вдобавок ко всему передрались союзные генералы. Вечером 19 декабря Беделл Смит позвонил Брэдли и сообщил, что Эйзенхауэр хочет передать Монтгомери две армии — Ходжеса и Симпсона из группы Брэдли — и поручить ему же, то есть Монтгомери, общее

руководство действиями войск. Брэдли ахнул и запротестовал. Но приказ о таком переподчинении состоялся. Он до крайности обострил отношения между союзниками. Монтгомери, как пишет Брэдли, «не смог удержаться от того, чтобы не натянуть нос американцам». Он давал интервью журналистам, созывал пресс-конференции, делал заявления и т. д.

Между тем дивизии Рундштедта шли вперед и вперед. Когда немецкие танки оказались в двух километрах от Спа, где был расположен штаб армии, Ходжес был вынужден срочно эвакуироваться. А генеральская свара продолжалась. Масштаб и накал ее становятся вполне ясными из такого, например, заявления Брэдли:

«Если бы верховный штаб экспедиционных сил союзников в своем коммюнике осветил наши (американские. — А. К.) интересы, указав, что переподчинение американских армий только временная мера, то Эйзенхауэр мог бы избежать разлада в рядах союзников. Значительно позднее он заявил, что эта перебранка в период Арденнского сражения причинила ему самые большие неприятности за все время войны» (!! — А. К.).

Взаимные обвинения вспыхнули вскоре после начала Арденнских боев и длились довольно долго. Брэдли пишет: «В эти недели напряженных отношений и горьких слов дружба между союзниками, которую Эйзенхауэр пытался сохранить, подверглась суровому испытанию... Монтгомери изображали Георгием Победоносцем, ему приписывали спасение американских войск от разгрома. Мало того, британская пресса разразилась потоком комментариев... Газеты изображали Монтгомери единственным героем-спасителем разбитых американских армий. Я заявил Эйзенхауэру протест против искажения фактов».

12 января, как известно читателю, началось советское наступление. Рука Москвы, вооруженная рука советского народа, вмешалась в ход событий и решила дело. К концу января преследуемый войсками союзников Рундштедт отступил в Арденнах на исходные позиции. А Черчилль, выступая с речью в палате общин, «помирил» Монтгомери с Брэдли, наговорив обоим множество комплиментов.

В книге Брэдли немало необъективного, особенно в тех местах, где он пишет о действиях наших войск и о советских людях вообще. Но все-таки в главе об Арденнах он не может умолчать: «Стоило Красной Армии начать наступление в этот критический момент, и резервы (немецкие. — А. К.), предназначенные для Западного фронта, пришлось бы бросить на восток». А почему «бы», почему «пришлось бы»? Они и были брошены гитлеровским командованием на восток после начала советского наступления.

А дело в том, что Брэдли сконструировал свою хитроумную фразу так, что американскому читателю не ясно, было ли в действительности наступление советских войск, или утверждение Брэдли относится

лишь к сфере умозрительного. Во всяком случае, вовсе умолчать о преимущественной роли Восточного фронта в распределении резервов вермахта он не смог. Но про слезницу Черчилля, его письмо к Сталину — ни звука. Про советское наступление, действительное, а не предположенное, — ни слова. А между тем в письме британского лидера было точно сказано, что оно посылается с ведома Эйзенхауэра — прямого начальника и друга Брэдли.

Ну, а что говорят на этот счет английские источники? Вот тут мы и подходим к самой сути дела. Скажем о ней коротко. Раскроем объемистую книгу крупнейшего военного историка Лиддел Гарта. Его работу «Вторая мировая война» западная печать объявила «великой книгой». Ее 35-я глава посвящена контрудару гитлеровских войск в Арденнах.

События в Арденнах здесь полностью изолированы от обстановки на советско-германском фронте. Брэдли, второе лицо в американской действующей армии, а впоследствии председатель комитета начальников штабов вооруженных сил США, и тот высказался, хотя и сквозь зубы.

А военный историк, англичанин, человек, не имеющий права пройти мимо такого значительного события войны, как протянутая Москвой рука помощи англо-американским войскам, этот историк игнорирует общеизвестное письмо своего премьера военного времени и ответ на него Советского правительства, ответ делом.

Чем объяснить такую ситуацию? Может быть, тем, что «Записки солдата» Брэдли нью-йоркское издательство выпустило в 1951 году, через каких-нибудь пять лет после окончания войны, — врать было труднее, а «Вторая мировая война» вышла первоизданием в Лондоне в 1970-м — антисоветская пропаганда на Западе достигла к тому времени высоких пиков «холодной войны». Можно было писать что хочешь и о чем хочешь умалчивать.

Так они и поступают до сих пор, пытаются кощунственно обогатить нашу Великую Отечественную войну. Они называют ее «неизвестной», а ведь переписка их лидеров военного времени с Верховным Главнокомандующим Советскими Вооруженными Силами составляет несколько томов.

Вот вам и «неизвестная война»! Откуда взялся такой термин? Это потому тех, кто завопил еще в 1917 году о «руке Москвы», об уплате царских долгов, о «письме Коминтерна», вместо благодарности нам за спасение от Гитлера опять охаивают нас, поносят.

Без фактов история мертва, она бездыханна и без их истолкования. Но как быть, если в одном случае известный генерал ходит возле факта, но боится подойти к нему поближе, — горяч, можно обжечься. А в другом видный историк вообще не видит этого факта. А раз не видит, то о чем толковать.

Как мы назовем обоих? Фальсификаторы истории! Это вам не абберация оптических систем как результат погрешности, а сознательная акция злого умысла.

Рука Москвы, вооруженная рука Советского Союза, сбивала замки с гитлеровских «лагерей уничтожения», где томились русские, украинцы, белорусы, поляки, вызволяла европейских невольников, пригнанных из разных стран на каторгу в «тысячелетний рейх».

Хорошо помню немецкие дороги весны сорок пятого года. Там, где с боями прошли советские войска, воцарялась свобода. Рушился один мир, и на его развалинах возникал другой, не похожий на тот, что после отчаянного сопротивления был разбит и повержен в прах.

Дороги запружены нашим войском, а по обочинам идут, едут на самодельных повозках, на велосипедах французы, норвежцы, бельгийцы, голландцы... Их ручные тележки, детские коляски, нагруженные скарбом, их лагерные робы, заплатанные пиджаки и чиненые-перечиненные платья украшены красными флажками в честь освободителей и ленточками, составляющими цвета национальных флагов.

Эти «караваны обочин» драматичны и радостны, нищенски убоги и живописны в одно и то же время. Это тени лагерей, люди, уцелевшие от расправы, рабочие подземных заводов, иностранные батраки деревенских кулаков. Лица их сияют. Вчера еще их называли удобрением для «германского мира», сегодня от них опасно отводят глаза «арийцы», темные существа, человеки «высшей расы»...

На обочинах дорог звучит первый смех давно не улыбававшихся людей. Они приветственно окликают танкистов, стоящих в открытых люках машин, шлют воздушные поцелуи усталым пехотинцам. Середина дороги занята советскими войсками — и какими! Победители вермахта, положившего к ногам фашизма десятки стран, движутся в центре Европы и говорят ее народам: «Мы здесь, вы свободны!»

Молодая французенка с прелестной улыбкой на исхудалом лице направляет свой детский двухколесный велосипед к проходящей пехоте, поднимает его «на дыбы» и кричит: «Это моя танк! Тридцать четыре!» Последние два слова она выговаривает очень старательно. Оба слова экзаменуют ее на букву «р». И французская интонация, давно известная русскому уху, звучит здесь ну просто пленительно. «Т-34» — лучший танк второй мировой войны. Такую оценку он получил и у освобожденной женщины, и у поверженного противника, и у завистливых союзников.

Милая французенка что-то щебечет нашему, богатырского вида солдату, восхищенно смотрит на него. Ее крохотная ладошка утонула в его огромной ладони. Быстрым движением она прильнула губами к его руке. Он густо покраснел, но не растерялся, поднял девушку на

воздух так, что их лица оказались на одном уровне, и крепко поцеловал в губы... Боец бросился догонять свою колонну, а девушка проводила его протяжным «О-о-о» и долго смотрела вслед.

Почти сто лет назад, откликаясь на смерть знаменитого историка, журнал «Русская старина» высказал соображение, не утратившее значения и сегодня. «Для нас бесценны... малейшие остатки прошлого», — сказано в статье «Исторические поминки по Н. И. Костомарову». И тем более они важны, если «еще не искажены ни временем, ни забвением, да, кроме того, могут быть проверены, исправлены и пополнены сведениями других людей...»

Я не однажды писал о событии, которому посвящены дальнейшие страницы. Каждый раз нельзя его описывать другими словами. Но дополнить новыми подробностями в моих силах. Вспоминаешь упущенное ранее. На память приходят детали, каким прежде по разным причинам не находилось места.

Весна 1945 года. Мы в Берлине. В ночь на 8 мая военные корреспонденты вызваны к члену Военного совета фронта генерал-лейтенанту Н. Телегину. Поглаживая, как обычно, свою раннюю и примелькавшуюся на передовой лысину, он сказал:

— Завтра состоится торжественная церемония. Будет подписываться акт о капитуляции гитлеровской Германии. Каждой газете даем два места, одно — корреспонденту, другое — фоторепортеру. Кто пойдет от «Правды»?

Приглашенные взбудораженно глядели друг на друга. Предложенная квота означала немислимые ограничения. От «Правды», например, в Берлине находились Всеволод Вишневский и Борис Горбатов да еще четверо журналистов. Если, допустим, идет один из писателей, то все остальные оказываются за флагом. Нам с Симоновым в Москве было сказано твердо: «Не прозевать встречу на Эльбе и капитуляцию!» Как же быть? Но военных корреспондентов голыми руками не возьмешь. Возникает предложение: писатели должны идти не от редакций, а именно как писатели, «от писателей». Предложение было рискованным, поскольку противоречило штатным расписаниям редакций — в составе каждой из них официально числился «писатель» как должность военных лет. Но, к удивлению и радости присутствующих, предложение прошло. То ли начальству этой ночью было не до тонкостей редакционных структур, то ли просто время поджимало, но писатели получили собственную рубрику. Дальше все покатило как по маслу.

— Так кто же все-таки пойдет от писателей по «Правде»? — спрашивает Телегин, признавая такой формулой их «суверенность», но и не отделяя от газеты.

Не помню, кто из правдивистов, Мартын Мержанов или Яков Макаренко, решительно назвали Вишневского и Горбатова. Так

писатели и двинулись дальше — парами, тандемом. От «Известий» как военный корреспондент Леонид Кудреватых, а по литературной рубрике — Всеволод Иванов и Лев Славин. От «Красной звезды» — Павел Трояновский и Леонид Высокоостровский и мы с Константином Симоновым.

Заседание окончено. Счастливчики становятся обладателями скромного тоненького картонного листка. А там сказано: «Предъявителю сего разрешается присутствие и работа на аэродроме и в залах заседаний на особом мероприятии, проводимом командованием 8 мая 1945 года». Эти несколько строк означали многое — у меня тот листок сохранился целым и невредимым до сих пор. Зашифрованный в пропуске аэродром был Темпельгофом.

Утром свежего майского дня мы и подъехали к его огромному, зеленовшему молодой травкой полю, по краям которого чернели разрушенные ангары, громоздились обломки самолетов с оплывшими от огня крестами и свастиками. Немецкие зенитки, почему-то выкрашенные в синий цвет, безмолвно и слепо уставились в небо. Там, в вышине, не было ничего, кроме легких облаков, медленно исчезающих и возникающих снова. Вскоре прибыли генерал армии В. Соколовский, первый комендант Берлина генерал-полковник Н. Берзарин, член Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенант Ф. Боков.

Не буду подробно писать о том, как мы встретили главу делегации союзников главного маршала авиации Артура Теддера, генерала армии США Карла Спаатса, адмирала Гарольда Бэрроу с огромной и шумной свитой иностранных корреспондентов. Брызнуло солнце, будто кто-то невидимый включил все небесные люстры, загрела музыка. В мирном топоте и звоне, в красно-голубом сиянии, грохочущем обвалом парадного марша, пошел, сверкая боевыми орденами, темпельгофский караул. Это был почетный караул Победы. Теперь скорее в Берлин, в Карлсхорст.

Приехали. Союзников развезли по отведенным им близости особнякам. Где-то разместили и Кейтеля с его спутниками. То ли потому, что еще не прибыла французская делегация, то ли не все процедурные детали были обговорены, но подписание акта, по видимому, задерживалось. Мы снова приготовились ждать, но с еще большим нетерпением, чем на аэродроме,— с утра во рту не было ни крошки.

— Кейтеля небось кормят! — алчно говорит мне Борис Горбатов, глотая слюну.

— Не завидуй, у него нет аппетита.

Чья-то мысль отлучиться хотя бы на пятнадцать минут с целью фуражировки отвергнута. Будем ждать, а пока толкуем о том о сем с иностранными журналистами на «пяточке» подле здания Инженерного училища.

Наши гости радостно возбуждены, им все интересно в советских коллегах. Они хвалят нашу форму — очень практична! — рассматривают наши ордена — строгие, красивые. Мы нещадно хлопаем друг друга по плечам, суем друг другу папиросы и сигареты, искренне и взаимно умиляемся.

Правда, в Белом доме уже нет Рузвельта, уже на демаркационной линии были мелкие неприятности, но еще не появлялось никаких серьезных внешних признаков того, что вскоре произойдет. Еще мне и в голову не пришло бы сказать американцу то, что через некоторое время я брякнул подвыпившему заокеанскому лейтенанту, приставшему к нашей компании в кафе гостиницы «Москва»: «Иди, дружок, иди читай «Майн кампф» Трумэна».

Это было уже после фултонской речи Черчилля, объявившего нам «холодную войну» от имени западного мира. А сейчас мы сердечно обмениваемся улыбками, учим иностранцев петь «Катюшу», острым, кто как может, смеемся. Нет-нет да и упрекнем коллег за опоздание со вторым фронтом. Журналисты не дипломаты — об этикете не думают.

Остротами гримируем вчерашние горькие обиды, смеемся, но знаем, что говорим о серьезных вещах. А в общем, сегодня не очень хочется царапаться. На душе так хорошо — ну прямо птички поют! Прогуливаемся по двору, снова выходим на улицу, возвращаемся во двор. Ждем.

Лев Славин, ладный, подобранный, неуловимо похожий на забяку-зуава из его пьесы «Интервенция», говорит: «Знаете, каждая война против России имела свой неповторимый сюжет. Но, заметьте, у всех одна и та же развязка. Вот такая драматургия!» — Он изящно и четко выговаривает каждое слово, будто извлекая его из отдельной упаковки...

Молодой Леонид Кудреватых смахивал лицом на Павла I — так же круглолиц, курнос, с такими же яростными глазами. Но этим сходство исчерпывалось. Кудреватых незлобно, добродушно общителен, верен в дружбе, а глаза его на поверку оказывались любопытствующими. Он подходит ко мне вплотную и почему-то тихо произносит: «Долго шли, а все-таки дошли!» Я молча сжимаю его руку.

В последний момент подоспел из Москвы известный историк, профессор Аркадий Самсонович Ерусалимский — начальник иностранного отдела «Красной звезды». Обычно невозмутимый, он сейчас крайне возбужден. Краснолицый, большеголовый, он похож на пожилого майнридовского индейца, «вступившего на тропу войны». Затиснув меня в какой-то тупичок, он говорит: «Послушайте, а ведь все эти на букву «г» — Гитлер, Геринг, Гиммлер, Геббельс, — они ведь Бисмарк так и не прочли...»

До войны, в 1940 году, вышло в Москве в свет трехтомное издание

«Мыслей и воспоминаний» канцлера Бисмарка с большим, в пять листов, предисловием Ерусалимского. За книгой охотились, она шла нарасхват.

«Мысли и воспоминания» — это прежде всего политическое завещание основателя Германской империи, написанное, как сказано в посвящении, — «сынам и внукам для понимания прошлого и в поучение на будущее». Главную опасность для Германии Бисмарк видел в столкновении с Россией. Он категорически советовал «не терять из виду заботы о наших отношениях с Россией». И дальше: «У нас все-таки нет никакого права и никаких оснований ставить германский народ ради английских и австрийских ближневосточных интересов под угрозу тяжелой и неблагодарной войны с Россией»... Время идет, другой век, другие исторические условия, а предостережения Бисмарка не потеряли силы. Время меняет характер международных отношений. Но существуют в них и устойчивые категории. Достаточно заменить «английские и австрийские интересы» на «американские», и завещание Бисмарка становится злободневным не только в обстановке 1940 года, но и для наших дней.

— Они не читали Бисмарка! — запальчиво восклицает профессор. — Весь его огромный опыт пропал для них даром. Незнание истории, невежество — стихия авантюристов. Им кажется, что главное — их желания. Они приходят, как дураки с мороза, и полагают, что могут распорядиться миром, как им хочется. Но опыт прошлого... Самое опасное для дипломата — это иметь иллюзии, говорил Бисмарк. Типичный бранденбургский юнкер, он вовсе не был русофилом, но обладал чувством реального.

Профессор дышал на меня историей и мятой карамелью. Его голова дымилась копной седеющих волос. Он был прекрасен в своем торжестве знатока немецкой дипломатии XIX века. Его я считаю одним из моих первых учителей на поприще международной публицистики...

Ходим с Константином Симоновым, не можем наговориться, как будто только встретились, а не провели вместе всю войну. «Какие дни, старик, а? — его глаза лихорадочно блестят на темном сухом лице. — Я даже перестал записывать. Запомню, все запомню, до последней мелочи... Хватит ли времени обо всем написать?»

Нет, не хватало. Теперь я думаю: а ведь, кажется, ни один хороший писатель не располагал временем, чтобы написать все, что хотел и мог. В те дни Симонов был счастлив. Ни раньше и никогда позже я не видел его таким счастливым. Во всю мощь своих, тогда здоровых легких он выкрикнул на пути в Берлин: «Теперь жить и жить!»

Уходят участники великих событий истории. Уйдут последние свидетели нашей великой войны. И только память в бessonном карауле стоит на страже былого.

...Еще и еще раз ведем «рекогносцировку местности». Здание,

в котором будет происходить церемония, ничем еще не примечательно. Перед нами двухэтажный дом с черепичной крышей, покрытый серой цементной крошкой, с узким фасадом и четырьмя совсем небольшими четырехугольными колоннами.

Дом расположен в глубине, на линии тротуара проходит невысокая и неказистая оградка, увитая кое-где зеленью. В оградке — проходы, а ворота и калитка сняты с петель. На их местах стоят наши часовые в полном походном снаряжении, с автоматами, малыми саперными лопатками у поясов, со скатанными шинелями через плечо. Караулы расставлены и во дворе и у подъезда, скрытого за теми четырехугольными колоннами.

Кто приказал так обмундировать солдат, несущих здесь караульную службу, словно на бивуаке, — не знаю, но их вид по-военному красив, полон для всех нас смысла: не увлекательной прогулкой был для советских войск поход на Берлин, а серией жестоких многоярусных боев (это на западе нацисты сдавали города с подобострастными улыбками). Вот почему и на часах стоят солдаты, еще дышащие порохом...

Небольшой актовый зал, приблизительно на полтора квадратные метра, готов к приему делегаций. Чуть выше готического бра укреплены флаги Советского Союза, США и Англии. Под ними почти во всю длину этой стены стол с десятью креслами для представителей союзного командования. От этого стола, перпендикулярно и упираясь в него, стоят еще два, нешироких, но вытянутых почти до противоположной стены.

Третий стол короче и не доходит метров на пять до того, за которым будет сидеть союзное командование. Нам объяснили: этот стол-обрубок — для немецкой делегации. За средним разместятся наши генералы и офицеры вместе с военными чинами, сопровождающими американскую и английскую делегации.

Крайний стол у окон — наш, корреспондентский. Мы примерялись к нему, садились, вставали, беспокоились, будет ли нам видно немцев через средний стол. Кто-то взялся изображать из себя Кейтеля, сел за обрубок, несколько человек заняли места за средним, а остальные, поскольку за нами была только стена, встали у стульев и дружно пришли к выводу: «Порядок. Все будет видно, даже если Кейтель ползет под стол!»

А церемония все еще не начиналась. Слово бы на разживку нашему любопытству возникла новость: только что в Темпельгоф прилетел французский представитель — генерал Делатр де Тассиньи. Почему так опоздала французская делегация? Тогда говорили, что американцы и англичане просто не сочли нужным известить де Голля о предстоящей церемонии и что советская сторона, заботясь о престиже Франции, исправила это «упущение». В зал вошли два сержанта с трехцветным французским флагом, укрепили его на стене. После

этого прошел еще час. Наконец появился майор и, обращаясь к нам, ледяным тоном сказал: «Товарищи, прошу очистить помещение!» Сообщение обрадовало, мы знали, что перед появлением союзного командования зал должен быть пуст. Все высыпали в холл, подождали пять — десять минут и снова проникли в зал. За главным столом уже рассаживались Маршал Советского Союза Жуков, Теддер, Спаатс, Делатр де Тассиньи и другие.

Мы быстро заняли свои места. В зал вошла группа генералов и офицеров. Командующий танковой армией Богданов и еще кто-то непринужденно устроились за столом-обрубок. К ним торопливо шагнул один из офицеров-распорядителей и с отчаянием на лице что-то шепнул. Они вскочили как ужаленные и поспешно пересели за средний.

Церемония началась. Волнение охватило нас. Я читал его на лицах товарищей и ощущал такое напряжение всего своего существа, какого никогда не испытывал. Мигом отлетело, унеслось все постороннее — шутки, которые мы только что шутили, чувство голода, томление, мысли о доме. Осталось одно торжествующее бушевание души — вот она, минута, которую мы так ждали и верили, стиснув зубы, верили в ее приход.

Мы пришли туда, откуда выкатилась фурия войны. Рука Москвы достигла Берлина. Сейчас гитлеровские генералы подпишут акт — не перемирия, нет, а безоговорочной, не какой-либо иной, капитуляции.

Ах, если бы упали стены этого зала, и явилось чудо, и этот стол смогли бы окружить все герои нашей святой Отечественной войны — живые и мертвые! Все, кто сражался на фронте и тяжело работал в тылу. Если бы вожак двадцати восьми героев-панфиловцев, светловолосый, дорогой Василий Клочков, упавший тогда, в сорок первом году, на промерзшую землю Подмосковья, мог очутиться здесь ну хотя бы на несколько секунд! Он постоял бы в сторонке, залитый кровью, с черным от усталости лицом, с измученными глазами, постоял бы и выдохнул: «Ну вот и хорошо. Не зря, значит, мы...»

Но чудес нет, и нет Клочкова, его уже не будет никогда. Нет многих и многих. Ах, скольких нет, погибших затем, чтобы живые пришли, ворвались наконец в логово фашизма и здесь окончательно, на века, утвердили их торжествующее бессмертие! Нет Клочкова. Есть этот зал, ряды столов, тишина и властный голос маршала Жукова:

— Пусть войдет немецкая делегация!

До этого минут десять шла процедура оглашения на разных языках документов о полномочиях представителей союзного командования. Я смутно помню ее детали: волновался, видел все как в тумане.

А теперь дежурные офицеры распахнули двустворчатую дверь, и на ее пороге появились генерал-фельдмаршал Кейтель, адмирал флота Фридебург и генерал-полковник авиации Штумпф. От двери до стола-обрубка было три шага. Кейтель прошел их, остановился за

средним креслом, картинно вытянул правую руку с маршалским жезлом, подержал его перед собой и тотчас же отдернул к груди. Так было исполнено два раза. В этом неожиданном жесте было что-то до такой степени комичное, не идущее ни к чему, нечто цирковое и нелепое, что сначала я даже подумал, будто он проделал какое-то физкультурное упражнение. Закончив свою манипуляцию, Кейтель опустился в кресло, положив жезл на стол. Фридебург и Штумпф сели по бокам. За спинами всех троих встали адъютанты.

Маршал Жуков объявляет:

— Сейчас предстоит подписание акта о безоговорочной капитуляции.

Кейтель, которому наш переводчик громко переводит эти слова, утвердительно кивает головой и довольно живо повторяет:

— Да, капитуляция!

— Имеет ли делегация документ, подтверждающий ее полномочия подписать акт о капитуляции от имени немецкого верховного командования?

Кейтель безмолвно передает советскому офицеру тонкую папку, и тот уносит ее к главному столу.

— Согласна ли немецкая делегация подписать врученный ей акт о капитуляции?

И снова Кейтель поспешно кивает головой и отчетливым голосом, но как-то бесвязно произносит:

— Да... да... согласны... капитуляция... да!

И здесь произошло вот что. Кивая головой и произнося свое «Да... да...», Кейтель левой рукой дал знак, очень ясно выразивший желание, чтобы ему положили на стол то, что он должен подписать. Пальцами же правой руки он при этом изобразил над столом некую мелкую зыбь, имитирующую движения пишущего человека, взял в руку ручку, попробовал перо.

Тогда председательствующий встал и негромко, отделяя слово от слова короткими паузами, сказал:

— Представителям верховного немецкого командования предлагается подойти сюда и подписать акт здесь. — Повелительным взмахом руки он описал полукружие, показывающее тот путь, который должны пройти немецкие генералы от своих мест до маленького столика, придвинутого почти вплотную, но с небольшим все-таки зазором, к главному столу.

История давала беспощадный урок. Резко, до мельчайших штрихов запомнилось: фельдмаршал Кейтель идет к столу, где сидят представители союзного командования. Он помедлил несколько секунд. Крупные капли пота выступили на его лице. До этого мгновения он старался сохранить хладнокровие. Теперь он едва владеет собой. Рукой в белой лайковой перчатке он стер пот с лица, но в следующее же мгновение оно вновь покрылось испариной. На

перчатке, видимо, было свежее чернильное пятнышко, и оно внезапно перекочевало на щеку генерал-фельдмаршала.

Так, с синяком под глазом, мокрый от приступа удушья, Кейтель проходит дорогу позора и на уголке огромного стола подписывает акт о капитуляции. Он никак не мог удержать монокль у глаза, вскидывал стеклышко, прищуривался, оно снова падало, повиснув на черном шнурке — прыгали мускулы лица.

Сейчас, спустя сорок лет, нельзя не поразмышлять над тем, что эта сцена произошла в Берлине, в том самом городе, откуда Гитлер кричал на весь мир, что вооруженному царству рейха не будет конца.

Чужие заблуждения не стоит коллекционировать только в том случае, если они невинны, но злые иллюзии опрометчивых и неразумных политиков дорого обходятся народам, да и им самим в конечном итоге не приносят пользы в наш век. Всем поклонникам политики с позиции силы, авторам проектов «звездных войн», пора наконец сесть за парту и проштудировать уроки, которые дал им строгий и опытный учитель — история.

Кейтель возвратился на свое место. Вид его был страшен. Он терзал, мял свой подбородок рукой в перчатке, голову все больше откидывал назад. Его адъютант, стоявший за креслом в положении «смирно», плакал с совершенно неподвижным, застывшим, как маска, лицом. Вслед за Кейтелем пошел, подписал акт и вернулся тяжело ступавший генерал Штумпф. За ним — с меловым лицом адмирал Фридебург.

Теперь все три немецких представителя снова сидят за своим столом. Фридебург пустыми глазами смотрит в пространство прямо перед собой. Штумпф искоса поглядывает на главный стол, где акт скрепляют своими подписями уполномоченные союзников, принявшие капитуляцию.

О чем думают в этот миг гитлеровские генералы? Чванливые, «непобедимые», с раскатистым прусским «р-р-р» в голосе, привыкшие отдавать команды, с передававшимся из поколения в поколение прусского генералитета чувством превосходства над любым существом на свете.

...Кейтель был повешен в числе главных военных преступников по приговору Нюрнбергского трибунала. Фридебург вскоре после капитуляции покончил с собой — принял яд, а по другой версии бросился в пролет лестницы... Штумпф умер своей смертью...

— Немецкая делегация может покинуть зал.

И тут произошло нечто, поразившее меня до крайности. Кейтель встал и, снова обратив лицо к залу, проделал свое нелепое гимнастическое упражнение с железом. Мне показалось, что Фридебург смотрел на него как на сумасшедшего.

Дверь распахнулась, немцы вышли. Наши за главным

столом улыбались. Теддер улыбался, Спаатс улыбался, Делатр де Тассиньи улыбался. Раздалось громовое русское «ура». Напряжение, царившее в зале, как-то разом исчезло. Люди жали друг другу руки, обнимались. Снова распахнулись двери, в зал вошла группа советских солдат, числом до отделения, с большими белыми свертками. Стали накрывать столы скатертями и сервировать их для торжественного ужина...

Святая Отечественная война привела нас в Берлин. Ее последствия глубоки и непреходящи. Изменилась политическая карта Европы, да, пожалуй, и всего мира. Возник лагерь европейских стран социализма. Новые ветры повеяли в Африке, в Юго-Восточной Азии, на всех континентах.

А старая злоба по-прежнему душит людей вчерашнего дня. И снова пускаются в ход фальшивые предлоги, снова кричат о «руке Москвы».

Мы вдоволь, досыта хлебнули военной страды и, естественно, не хотим новой. Но из США уже не один год доносится рев милитаристских труб. Белый дом открыто заговорил о войне. На этот раз ядерной и даже космической.

С тех пор как прозвучал последний мушкетный выстрел в Пенсильвании во время гражданской войны 1861—1865 годов, на территории США не велись военные действия. Американцы, как видно, плохо представляют себе, что такое чужой огонь на своей земле, а тем более современный ядерный удар. По страницам их газет, журналов и даже комиксов кочуют изображения невинного гриба, внешне не более опасного, чем гриб мухомор. Хочешь — сорви и брось, хочешь — пройди мимо...

Правители США пытаются приучить к нему людей, объявить его съедобным и внедрить лживую мысль, будто атомная война может быть «ограниченной». А кроме того, кто-то там думает и на ней заработать. И кто-то полагает, что она может стать дуэлью между Западной Европой и СССР. Одним словом, хотят попробовать... Мы, как люди более опытные в военном деле — этого у нас отнять нельзя, хотя тот опыт был нам навязан, — можем сказать: «Лучше не надо!»

Давно установлено: технический и стратегический облик данной войны определен характером ее вооружения. «Ограниченность» в ядерной войне не закодирована. Не будет так, что в обход заокеанской державы другим подадут ядовитые атомные грибы, а она тем временем проглотит, скажем, Ближний Восток да еще оглянется вокруг: «Чем бы закусить?» Так не будет.

Кайзеру Вильгельму не помогла в свое время «Большая Берта» — гигантская пушка, чьи снаряды из дальнего далека могли бы достичь Парижа. Гитлеру не помогли его танковые клинья, ревуны на пикировщиках, боевая выучка вермахта. А ведь как были уверены и тот и другой в своей способности покорить мир. Но на их силу нашлась другая сила, наяд — противоядие.

Конечно, ядерная боеголовка — это не старый орудийный заряд, но и на нее есть ответная мощь не менее грозная. И какой бы дубинкой нам ни грозили, мы, раз такое дело, поднатужимся, вырежем, обстругаем себе такую же, по крайней мере ничем не хуже. Ведь это же Советский Союз. Его так просто не возьмешь. Он постоит стеной и за себя и за своих друзей.

Спесь и кичливость новых претендентов на мировое господство застыт им глаза, закладывают уши, они не видят загробных теней своих предшественников, не слышат предупреждений, возникших из крушения их замыслов. Есть у нас такая старозаветная поговорка: худой мир лучше доброй ссоры. У меня вот какое предложение к журналистам, работающим ну хотя бы в американской «Вашингтон пост»: переведите нашу поговорку на английский язык и организуйте референдум среди ваших читателей. Думаю, под таким текстом все подпишутся. Пусть пока длится «худой мир». Он имеет шанс стать добрым. У войны нет такой перспективы. Не стройте себе иллюзий. Она не будет ни «худой», ни «доброй». Имя ее: вселенская катастрофа.

Когда думаю о тех, кто сегодня, подбоченясь, учит нас жить, а если мы не послушаемся назиданий, грозит нас смести с лица земли, то вспоминаю иногда возок императора Наполеона на улице Сморгони. А ведь может статься, что в ядерной войне и возка того не останется.

По некоторым источникам, то был не возок, а так называемый дормез, более обширный экипаж. Как только они не назывались, эти средства передвижения прошлых времен — дормез, кибитка, рыдван, дрожки, карета, линейка, ландо, кабриолет... А мне почему-то кажется, то был возок. В предложенных обстоятельствах важна была скорость. Возок — он полегче, и хорошая упряжка приеисто брала его с места, развивала нужный аллюр.

Наполеон ведь уже на двенадцатый день после выезда из Москвы покрыл огромное пространство и оказался в Париже. Показал рекордное время в личном зачете. «Кто скачет, кто мчится...» Император французов дает деру из России. Если серьезно говорить, то ведь какую драму он пережил. Еще в Москве попросил у своего врача яду и постоянно носил его при себе. Конечно, теперь другие времена. Но вот какое совпадение — и Гитлеру пришлось обратиться к крысомору.

В наши дни многое изменилось. Другая военная техника, ядерное оружие. В Белом доме хотят обрудовать командные пункты на шести «Боингах». Будут, стало быть, высшие чины США переходить из одного в другой. Много во всем этом форса, самозапугивания, жестокого манипулирования общественным сознанием. Подумайте только, Белый дом и некоторые другие правительственные объекты окружены укреплениями, сооруженными по всем правилам фортификации. Что же это такое творится? Взвизгивают американцам нервы до предела...

Военная техника, конечно, новая и страшная, но люди все те же, с небольшим мускулом сердца в груди. А исторические аналогии еще

не потеряли своего значения. Страшным орудием Наполеона была старая гвардия, а ведь не ввел он ее в сражение на Бородинском поле. Побоялся остаться с пустыми руками. Страшным оружием во второй мировой войне могло стать химическое, а не пустил его в ход Гитлер, побоялся ответного, такого же удара союзников.

Как там обернется дело дальше, возможно, никто еще не знает. А мне почему-то все чаще видится тот одинокий возок Наполеона, мчащийся из Сморгони в Вильно, без эскорта, с императором, который для конспирации на почтовых станциях присвоил себе фамилию спутника — Коленкур.

...Вот такие размышления приходят на ум участнику Отечественной войны, когда он вечерами прогуливается по улицам столицы, думая о руке Москвы. У нашего прошлого долгое эхо.

...Брезжит новый день, идут новые заботы, новые радости, а то и огорчения. И постоянная вера живет в наших сердцах. Огромный город встает и расправляет свои могучие плечи. Утро красит нежным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся советская земля. Здравствуй, Москва! Она ответно улыбается, протягивая свою крепкую рабочую руку всему свету и говорит:

— Здравствуйте, люди. Мир вам. Мир всей земле!

1985 год

Александр КРИВИЦКИЙ

РУКА МОСКВЫ

Редактор Ю. П. Попов

Технический редактор Т. Я. К о в ы н ч е н к о в а

Сдано в набор 23.09.86. Подписано к печати 10.12.86. А 00775. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,13. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 80 000 экз. Изд. № 3161. Зак. № 3768. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография издательства ЦК КПСС «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, ул «Правды», 24.

О ДОБРОВОЛЬНЫХ ВЗНОСАХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

Сберегательные кассы принимают от граждан и трудовых коллективов добровольные взносы:

- в Фонд помощи для ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС;
- в Советский фонд Мира;
- на сооружение в г. Москве памятника Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Прием добровольных взносов производится центральными сберегательными кассами, сберегательными кассами первого и второго разрядов на основании заявлений граждан наличными деньгами или путем перечисления сумм со счетов по вкладам.

Взносы могут быть произведены также и облигациями Государственных займов.

Лицу, вносящему добровольный взнос, сберегательная касса выдает квитанцию. При внесении средств в Советский фонд Мира сберегательная касса выдает гражданину также справку, которая высылается по почте ответственному секретарю Комиссии Содействия Советскому фонду Мира, имеющейся в каждой союзной республике, а в РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР и Казахской ССР — в каждом областном, краевом и республиканском (АССР) центре.

Коллективам или отдельным гражданам, вносящим деньги в Фонд помощи для ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, учреждения Гострудсберкасс вручают памятные свидетельства, за внесение средств на сооружение в г. Москве памятника Победы советского народа в Великой Отечественной войне Московская городская контора Госбанка высылает свидетельство.

Правление Гострудсберкасс СССР